

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ отношеніи изложенныхъ здѣсь мыслей къ нашему предмету. Не только чувство и воля не могутъ быть выведены вполне изъ отношеній между представленіями, но и въ болѣе тѣсномъ кругу явленій умственной жизни представлять послѣдующее и высшее прямымъ слѣдствіемъ немногихъ извѣстныхъ намъ предшествующихъ обстоятельствъ, значить невольно обольщать себя и другихъ. Говоря о переходѣ образа предмета въ понятіе о предметѣ, въ болѣе исключительно-человѣческую форму мысли, мы увидимъ, что этотъ переходъ можетъ совершиться только посредствомъ слова, но при этомъ будемъ помнить, что само слово никакъ не создастъ понятія изъ образа, что понятіе, какъ и многое другое въ личной и народной жизни, навсегда останется для насъ величиною, произведенною, такъ сказать, умноженіемъ извѣстныхъ намъ условий на неизвѣстные намъ и, вѣроятно неизслѣдимыя силы. Здѣсь нѣтъ призыва къ смиренному бездѣйствію, основанному на томъ, что умъ нашъ слабъ, а причина премудрости Божіей бездонна, и есть только законное сомнѣніе въ близости конечной цѣли мысли, т. е. знанія связи явленій. Кажется, лучше, при равенствѣ знаній, находить, подобно Лопе, темныя стороны въ предметѣ, чѣмъ считать этотъ предметъ почти или совершенно яснымъ.

Слово, предполагаемое извѣстными степенями развитія мысли, въ свою очередь, предполагаетъ чувственные воспріятія и звукъ, а потому мы начнемъ съ этихъ послѣднихъ условий.

V. Чувственные воспріятія.

Мы не можемъ представить себѣ безусловнаго отсутствія въ насъ душевной дѣятельности, точно такъ, какъ глазъ нашъ не можетъ видѣть совершенной тьмы. Дни и часы, которые мы называемъ потерянными для жизни, все-же дни и часы, все-же время, а представленіе времени для насъ неразлучно съ представленіемъ ряда событій въ душѣ. Если мы постараемся удалить занимающія насъ обыкновенно мысли и чувства, и прекратимъ доступъ впечатлѣніямъ зрѣнія, слуха, обонянія и, на сколько это возможно, вкуса и осязанія, то все-же намъ останутся впечатлѣнія, неотдѣлимые отъ жизни нашего организма: извѣстная степень напряженности и ослабленія мускуловъ и органической теплоты, сопровождающихъ процессъ пищеваренія, степень давленія воздуха на все наше тѣло и вообще измѣненія, которыя мы обнимаемъ общими словами: болѣзнь

и здоровье. Обыкновенно эти впечатлѣнія не замѣчаются взрослымъ человѣкомъ и какъ-бы подавлены другими, болѣе явственными, хотя иногда сами вытѣсняють всѣ остальные и на нѣкоторое время вполне овладѣвають нашимъ вниманіемъ. Это послѣднее бываетъ или тогда, когда, вслѣдствіе извѣстныхъ соображеній мы ждемъ опасныхъ для себя измѣненій въ организмѣ, что нерѣдко случается съ мнительными людьми, или—когда эти впечатлѣнія достигаютъ значительной степени силы, напр., когда чувствуемъ голодъ, жажду, усталость, всякую боль или, напротивъ, удовольствіе отъ извѣстнаго состоянія организма, отъ удовлетворенія физическимъ потребностямъ. Совокупность такихъ ощущеній называютъ *общимъ чувствомъ*. Можетъ показаться страннымъ, что къ одной и той-же группѣ явленій причисляются повидимому столь далекія другъ отъ друга ощущенія, какъ боль и усталость (которой мы не назовемъ болью), но дѣло въ томъ, что всѣ они указываютъ на состояніе нашего организма, а не на свойства вѣншихъ тѣлъ, какъ остальные чувства, и что во всѣхъ ихъ преобладающею въ глазахъ наблюдателя чертою является связанное съ ними удовольствіе и неудовольствіе.

Соотвѣтственно свойствамъ данныхъ, доставляемыхъ общимъ чувствомъ, оно не имѣетъ особаго органа; органъ его—все пространство тѣла снаружи и внутри, откуда только идутъ чувствительные нервы къ головному и спинному мозгу. Осязаніе сходно въ этомъ съ общимъ чувствомъ, но органы его—не все тѣло, а только его поверхность, особенно тѣ мѣста, гдѣ какъ въ концахъ пальцевъ и въ губахъ, наибольше нервовъ осязанія. Впечатлѣнія общаго чувства постоянно сопровождаютъ всѣ болѣе сложныя дѣйствія души и не только служатъ имъ фономъ, но и даютъ имъ извѣстное направленіе. Извѣстно напр., что когда намъ отъ фізіологическихъ причинъ не по себѣ, мы думаемъ и чувствуемъ иначе, чѣмъ когда мы совершенно здоровы. Легко однако замѣтить, что, при нормальномъ состояніи нашего организма, эти впечатлѣнія не доходятъ до сознанія, что даже боль, голодъ, усталость вовсе не замѣчаются, или забываются, если мы чѣмъ нибудь заняты. Все то, что заставляетъ насъ забыть о состояніи нашего тѣла есть явленіе сложное и сравнительно позднѣйшее; даже чувственный образъ поверхности предмета, обнимаемой нами, повидимому однимъ взглядомъ, предполагаетъ мелкія, недѣлимые воспріятія, еще несложившіяся въ образъ

¹⁾ Ср. Lotze, Mikr. II 168 слѣд. Steinthal. Gr. L. и Ps. 235. 246. 282 и слѣд.

предмета съ двумя измѣреніями. Если устранимъ все приобретаемое нами въ послѣдствіи, то окажется, что при самомъ началѣ развитія въ душѣ есть съ одной стороны впечатлѣнія общаго чувства, которыя назовемъ субъективными въ томъ смыслѣ, что даютъ знать душѣ только о состояніи нашего тѣла, съ другой—впечатлѣнія объективныхъ чувствъ. Эти послѣднія въ послѣдствіи проицируются т. е. соединяются въ извѣстныя группы и въ такомъ видѣ принимаются душою за внѣшніе для нея предметы; но тогда еще разъединены, а потому имѣютъ еще только субъективное значеніе и стоятъ еще на степеніи общаго чувства, потому-что представляются только измѣненіями организма. Устранивши фізіологическій вопросъ объ томъ, такова-ли дѣятельность зрительныхъ, слуховыхъ и другихъ чувственныхъ нервовъ въ ребенкѣ, только-что начинающемъ жить, какъ и во взросломъ, мы должны съ психологической точки зрѣнія принять, что если и всегда, какъ нужно полагать, глазъ видитъ не что иное, какъ свѣтъ, ухо слышетъ только звукъ, то эти впечатлѣнія вначалѣ имѣютъ для души совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ въ послѣдствіи, не могутъ возбуждать такого интереса, какой имѣютъ для насъ тѣ-же впечатлѣнія, сложившіяся въ образы внѣшнихъ предметовъ.

Субъективныя впечатлѣнія общаго чувства и совершенно несходныя съ нимъ по своей послѣдующей судьбѣ впечатлѣнія объективныхъ чувствъ могутъ даваться вмѣстѣ въ различныхъ сочетаніяхъ и, безъ сомнѣнія, смѣняются другъ другомъ въ душѣ (напр. звукъ—свѣтомъ, холодъ—тепломъ); но вызываемое этою смѣною состояніе души не будетъ походить на чувства, испытываемыя нами при смѣнѣ уже организованныхъ воспріятій. Это состояніе представляютъ особымъ душевнымъ явленіемъ и называютъ тоже общимъ чувствомъ.

Итакъ, однимъ названіемъ обозначаются два явленія: а) воспріятіе впечатлѣній отъ состоянія тѣла и б) состояніе души при хаотическомъ смѣшеніи этихъ впечатлѣній съ впечатлѣніями другихъ чувствъ, еще несложившимися въ образъ внѣшняго предмета. Общее чувство, принятое въ первомъ смыслѣ, имѣетъ хотя невыразимое, но опредѣленное содержаніе, сообщаетъ душѣ такія данныя, какихъ она не можетъ получить ни отъ какого другаго чувства и только сопровождается удовольствіемъ и неудовольствіемъ, а не исчерпывается ими; во второмъ смыслѣ—оно лишено опредѣленнаго содержанія, есть только извѣстная форма отношенія души къ неопредѣленнымъ членамъ, и вполне заключается въ категоріяхъ удовольствія и неудовольствія. Въ первомъ смыслѣ общее чувство

однородно съ зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, во второмъ со скукою, ожиданіемъ и т. п. И въ томъ и другомъ значеніи общее чувство характеризуетъ первое время жизни. Субъективныя ощущенія состояній организма отодвигаются на задній планъ лишь по мѣрѣ того, какъ образуется для души различіе между внѣшнимъ и внутреннимъ, т. е. по мѣрѣ проекціи впечатлѣній объективныхъ чувствъ. Оставляя въ сторонѣ важный психологическій вопросъ объ томъ, что заставляетъ насъ ставить внѣ себя свои личныя ощущенія, и какъ совершается этотъ процессъ выдѣленія міра изъ души, мы, на основаніи данныхъ, замѣчаемыхъ во взросломъ человѣкѣ, стараемся опредѣлить степень удаленія впечатлѣній пяти объективныхъ чувствъ отъ субъективнаго общаго и такимъ-образомъ—найти общія свойства человѣческой чувственности. Предварительно однако нужно обратить вниманіе на слѣдующее.

Вайдъ приписываетъ запутанность ученій о чувствѣ (Gefühl) частью сбивчивости терминологіи, частью тому, что весьма трудно, при изслѣдованіи извѣстныхъ состояній духа (т. е. чувства въ собственномъ значеніи и воли), отдѣлить вліяніе организма отъ вліянія собственно душевныхъ явленій. „Нерѣдко, говоритъ онъ, смѣшиваютъ совершенно различныя понятія, напр. голода и благодарности, которыя одинаково называются чувствами, тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго: голодъ есть только извѣстное нервное возбужденіе (Nervenreiz), впечатлѣніе, воспринимаемое душою и, по законамъ организма, инстинктивно производящее извѣстныя движенія, назначеніе коихъ—устранить это впечатлѣніе и возстановить безразличное состояніе организма; благодарность-же сама-по-себѣ не вытекаетъ (непосредственно) изъ нервного раздраженія, не производитъ тѣлодвиженій и есть явленіе совершенно психическое. Такъ и всякаго рода боль есть явленіе фізіологическое въ нервахъ и не имѣетъ ничего общаго съ душевными страданіями. Душевные чувства относятся цѣликомъ къ психологіи, тогда какъ тѣлесными ощущеніями (Sinnliche Empfindungen) психологическая теорія занимается лишь на столько, на сколько они содѣйствуютъ образованію пространственныхъ представленій и вліяютъ на душевные чувства, а впрочемъ предоставляетъ ихъ объясненіе фізіологіи“¹⁾.

Дѣйствительно есть большая разница между фізіологическимъ и психологическимъ взглядомъ на чувства. Фізіологія изслѣдуетъ только заключенныя въ организмъ условія, безъ которыхъ было-бы

¹⁾ Waitz, Lehrb. d. Ps. 286—7.

невозможно образованіе въ душѣ извѣстныхъ ощущеній; психологія не спрашиваетъ объ этихъ условіяхъ, не доискивается, какія измѣненія происходятъ въ тѣлѣ, когда мы чувствуемъ голодъ, усталость или свѣтъ и звукъ, и принимаетъ ощущенія за готовые данныя душевной жизни. „Ощущеніе въ сознаніи, говоритъ Лоце, вовсе не сопровождается воспоминаніемъ о свойствѣхъ внѣшнихъ движеній, возбуждавшихъ дѣятельность органа: колебаніе воздуха (а вмѣстѣ и измѣненія въ слуховомъ нервѣ) въ душѣ замѣняется звукомъ, дрожаніе ээира—цвѣтомъ; и звукъ, и цвѣтъ, конечно, слѣдствія, но не изображенія своихъ внѣшнихъ причинъ. Поэтому напрасно было-бы при изслѣдованіи вліянія этихъ ощущеній на дальнѣйшую внутреннюю жизнь обращаться къ свойствамъ ихъ внѣшнихъ причинъ. Какъ въ звукъ мы слышимъ самый звукъ, а не количество звуковыхъ волнъ, такъ музыка не гармоничнѣе для того, кто знаетъ, какъ образуются звуки и ихъ сочетанія, чѣмъ для другаго, который, не зная этого, просто поддается ея вліянію“ ¹⁾. Не трудно, стало быть, остаться на психологической точкѣ зрѣнія, говоря о чувственныхъ впечатлѣніяхъ. Что-же касается до опасности смѣшать эти послѣднія съ чисто-психологическими чувствами, то мы ей не подвергнемся, хотя, какъ кажется, нѣсколько отступимъ отъ теоріи, которой слѣдуетъ Вайцъ. Съ точки Гербарта нельзя видѣть въ голодѣ душевнаго чувства, потому-что такое чувство считается явленіемъ вторичнымъ и производнымъ; но съ другой, на которую мы указали выше, возможно другое заключеніе. Въ данныхъ общаго чувства, а равно и осязанія, вкуса и прочихъ, замѣтны двѣ стороны: 1) впечатлѣнія отъ свойствъ, приписываемыхъ нами внѣшнимъ предметамъ и собственному тѣлу и 2) оцѣнка значенія этихъ впечатлѣній для нашего индивидуальнаго бытія, испытываемое по ихъ поводу чувство удовольствія и неудовольствія. При такомъ различеніи чувство голода хотя не можетъ быть названо чувствомъ въ томъ смыслѣ, какъ благодарность, но заключаетъ въ себѣ стихіи однородныя съ этою послѣднею, которыя мы будемъ называть чувствомъ и которыя не могутъ быть выведены изъ взаимодействія представленій, потому-что являются уже по поводу простѣйшихъ чувственныхъ впечатлѣній.

Различіе чувственныхъ впечатлѣній разныхъ органовъ заключается столько-же въ свойствѣхъ, сопровождающемъ ихъ чувства, сколько и свойствахъ объективнаго содержанія—то и другое тождественны по связи.

¹⁾ Mikr. II. 169.

Напряженность чувства находится въ обратномъ отношеніи къ раздѣльности содержанія впечатлѣній. Впечатлѣнія общаго чувства бѣдны содержаніемъ и такъ не ясны, что ни отдать себѣ въ нихъ отчета, ни передать ихъ другому нѣтъ никакой возможности; но сила чувства — неудовольствія можетъ быть такъ велика, что почти совершенно подавляетъ содержаніе впечатлѣнія. Это легко замѣтить при сравненіи общаго чувства съ другими: приближая руку къ огню, получаемъ впечатлѣніе теплоты, т. е. осязаніемъ познаемъ извѣстное качество предмета; вложивши ее въ огонь, мы чувствуемъ боль, а свойство производящаго ее предмета для насъ потеряно, такъ что еслибъ мы не прибѣгли къ пособію другихъ чувствъ, то и не знали-бы, происходитъ-ли эта боль отъ пламени, отъ холоду, или-же отъ дѣйствія какихъ-нибудь ѣдкихъ кислотъ. Подобнымъ образомъ боль въ языкѣ отъ чего-нибудь жгучаго уже перестаетъ быть вкусомъ.

Гораздо явственнѣе и разнообразнѣе сравнительно съ общимъ чувствомъ впечатлѣнія вкуса и обонянія, и сопровождающее ихъ чувство не такъ сильно. Извѣстный вкусъ или запахъ могутъ быть противны до рвоты, до обморока, но даже и въ такомъ случаѣ они — не боль, и различаются между-собою не только по степени силы, но и по качеству, такъ что мы не смѣшиваемъ напр. двухъ родовъ горечи, одинаково для насъ непріятныхъ, и замѣчаемъ ихъ тонкіе оттѣнки.

Осязаніе можетъ возбудить сильную степень удовольствія и отвращенія, но сопровождающее его чувство можетъ быть почти совсѣмъ незамѣтно при полной опредѣленности содержанія впечатлѣній, тогда какъ вкусъ, запахъ непремѣнно или пріятны или непріятны, а безразличіе считается ихъ полнымъ отсутствіемъ. Относительно раздѣльности содержанія довольно сказать, что осязаніе вмѣстѣ со зрѣніемъ имѣетъ предъ другими чувствами то преимущество, что одновременныя потрясенія нервовъ не смѣшиваются въ немъ въ одно, какъ напр. смѣшиваются впечатлѣнія обонянія, а совмѣстно передаются душѣ. На этомъ основано значеніе осязанія для образованія представленія пространства.

Чистый, но не оглушительный звукъ самъ-по-себѣ намъ болѣе или менѣе пріятенъ, и только извѣстныя соединенія звуковъ непріятно поражаютъ слухъ. При этомъ неудовольствіе никогда не достигаетъ до степени отвращенія, какъ въ трехъ низшихъ чувствахъ.

Цвѣта, какъ-бы ни безобразно было ихъ соединеніе, не возбуждаютъ даже и той степени неудовольствія, какую вызываютъ диссонансы, о которыхъ мы говоримъ, что они „уши дерутъ“ или

„терзають слухъ“. Во всѣхъ впечатлѣніяхъ зрѣнія, кромѣ ослѣпительнаго блеска, который скорѣе относится къ общему чувству, мы не видимъ ничего нарушающаго правильное теченіе жизни нашего организма. Болѣзненное дѣйствіе извѣстныхъ цвѣтовъ можетъ быть слѣдствіемъ довольно рѣдкихъ идіосинкразій, знаменательныхъ для фізіологіи и психологіи, но не уничтожающихъ общаго правила. Этому безстрастію, съ какимъ мы воспринимаемъ впечатлѣнія зрѣнія и слуха, соответствуетъ безконечное разнообразіе доступныхъ намъ оттѣнковъ звука и цвѣта, которыхъ ни по числу ни по опредѣленности и сравнивать нельзя ни съ какими другими воспріятіями.

По мѣрѣ того, какъ съ увеличеніемъ раздѣльности впечатлѣній, по направленію отъ общаго чувства къ зрѣнію, уменьшается сила сопровождающей ихъ физической боли или наслажденія ¹⁾, все яснѣе и яснѣе выступаетъ другого рода оцѣнка впечатлѣній, именно — чувство ихъ собственной красоты, независимой отъ согласія или несогласія съ требованіями нашего организма. Такой объективной оцѣнки незамѣтно въ общемъ чувствѣ, но она есть уже въ другихъ низшихъ. Такъ напр. мы уже не ограничиваемся животнымъ удовольствіемъ, какое доставляетъ вкусная пища, а безсознательно переносимъ въ нее это удовольствіе, въ ней самой находимъ достоинства, которыя могутъ намъ открыться только путемъ вкуса. Сладость предмета представляется намъ его собственною заслугою, его дружескимъ расположеніемъ къ намъ, горечь, острота—злостью. Чтобы убѣдиться, что это не фраза, довольно вспомнить, что напр. и въ нашемъ и въ другихъ языкахъ представленіемъ сладости обозначаются вполнѣ объективныя качества предметовъ, напр. въ галицко-русскомъ нарѣчій *солодкий* значить милый. Въ высшихъ чувствахъ исчезаетъ почти всякій слѣдъ эгоистической оцѣнки. Мы убѣждены, что въ сочетаніяхъ звуковъ и красокъ наслаждаемся не нашимъ личнымъ чувствомъ, а тѣмъ, что звуки, краски расположены такъ, а не иначе, и потому сами-по-себѣ хороши.

Наклонность наслаждаться въ явленіяхъ ихъ собственнымъ достоинствомъ нераздѣльна со стремленіемъ искать въ нихъ внутренней законности. Само-собою, что и то и другое становится замѣтнымъ не въ то время, когда душа воспринимаетъ только отдѣльныя чувственные качества, потому-что тогда эти воспріятія еще близки

¹⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается важность чувствъ для организма. Потеря зрѣнія, слуха можетъ-быть мѣстнымъ зломъ и совместима съ здоровьемъ; гораздо опаснѣе потеря обонянія и вкуса, а съ прекращеніемъ общаго чувства кончается жизнь.

къ общему чувству, а тогда, когда становится возможнымъ сравненіе этихъ воспріятій, получившихъ уже объективное значеніе. Каждому изъ сравниваемыхъ чувственныхъ качествъ человѣкъ назначаетъ извѣстное мѣсто въ ряду другихъ однородныхъ, и весь рядъ представляетъ одною стройною системою. Природа самихъ воспріятій содѣйствуетъ этому въ различной мѣрѣ. Такъ звукъ разлагается для насъ на лѣстницу членовъ, конхъ разстояніе другъ-отъ-друга, сродство и противоположность, мы представляемъ вполне ихъ собственнымъ требованіемъ; цвѣта менѣе опредѣленнымъ образомъ повторяютъ ту-же законность отношеній, а впечатлѣнія другихъ чувствъ служатъ только слабымъ ея отголоскомъ. Свойство звуковъ слагаться въ законченныя и легко уловимыя въ цѣломъ сочетанія, раньше становится понятно человѣку, чѣмъ подобныя-же свойства другихъ чувственныхъ впечатлѣній; искусство легче овладѣваетъ звуками, чѣмъ напр. вкусами—и музыка всегда будетъ совершеннѣе повареннаго искусства, потому-что легче построить гамму звуковъ, чѣмъ вкусовъ.

Какъ отдѣльныя содержанія воспріятій, такъ систематизируетъ человѣкъ и ихъ общія формы—пространство и время. Человѣкъ, конечно, не имѣлъ-бы представленій пространства, если-бы зрѣніе и осязаніе не передавали ему разомъ двухъ или нѣсколькихъ впечатлѣній. Изъ свойства этихъ чувственныхъ данныхъ человѣкъ безсознательно выводитъ ихъ пространство, и въ этомъ вѣроятно не отличается отъ животныхъ; но эта форма становится для него закономъ самихъ чувственныхъ явленій. Такъ напр. востокъ—первоначально для насъ тамъ, гдѣ восходитъ солнце,—западъ тамъ, гдѣ оно заходитъ; но мы видоизмѣняемъ эти чувственные данныя, такъ, что упомянутыя точки горизонта не мѣняются для насъ по временамъ года вмѣстѣ съ положеніемъ солнца, а остаются неподвижными и служатъ закономъ дѣйствительныхъ явленій: востокъ не тамъ, гдѣ восходитъ солнце, а тамъ, гдѣ оно *должно* восходить. Подобнымъ образомъ мы-бы не въ состояніи были дѣлить время и сравнивать величину его частей, если-бы не встрѣчали въ природѣ періодическаго повторенія явленій, но полученныя такимъ путемъ дѣленія исподоволь теряютъ для насъ свою случайность, теченіе времени становится неизмѣнною мѣрою движенія, вовсе независимою отъ дѣйствительныхъ явленій; день и ночь, величины измѣнчивыя, превращаются въ неизмѣнную величину,—сутки и т. д. Каждое мгновеніе, заполненное извѣстнымъ явленіемъ, кажется намъ частью одного

цѣлаго, которому ни начала, ни конца мы не знаемъ, но которое мы принимаемъ за цѣлое.

Такимъ-образомъ въ ряду различныхъ по органамъ чувственныхъ воспріятій взрослого человѣка, разсматриваемыхъ какъ одновременные члены системы, замѣчаемъ, что раздѣльность воспріятій и объективность ихъ оцѣнки возрастаетъ по направленію отъ общаго чувства къ такъ называемымъ высшимъ, т. е. къ зрѣнію и слуху. Подобное увеличеніе раздѣльности и объективности будетъ видно и въ жизни всякаго отдѣльнаго чувства, взятаго порознь. Во-первыхъ: степень раздѣльности воспріятій одного и того-же чувства и количество отношеній, замѣчаемыхъ между ними, не есть нѣчто неподвижное, но возрастаетъ съ развитіемъ отдѣльныхъ лицъ. На каждомъ шагѣ встрѣтимъ случай къ подтверждающимъ это наблюденіямъ. Тонкость слуха, свойственная музыканту, тонкость осязанія, замѣчаемая въ слѣпорожденныхъ и шулерахъ, разборчивость вкуса гастрономовъ, въ большинствѣ случаевъ зависятъ не отъ совершенства органовъ, не отъ того, что они съ самаго начала получаютъ другія внѣшнія впечатлѣнія, а отъ упражненія, отъ привычки. При равенствѣ условій, т. е. при тѣхъ-же возбужденіяхъ извнѣ и при отсутствіи измѣненій въ органахъ, раздѣльность воспріятія можетъ произвольно и путемъ произвольныхъ соображеній увеличиваться до неопредѣлимой степени. На этомъ основаніи предполагаемъ, что если ребенокъ получаетъ тѣ-же впечатлѣнія, что и взрослый, то рѣшительное большинство ихъ имѣетъ для него тоже значеніе, что для насъ ощущенія общаго чувства. Напр. если на первыхъ порахъ онъ произноситъ только легчайшія сочетанія губныхъ согласныхъ съ *a*, то всѣ остальные членораздѣльные звуки существуютъ для него лишь въ той мѣрѣ, въ какой для насъ мудреное слово чужого языка, которое мы слышали, но повторить не можемъ, или сложный мотивъ, отъ котораго намъ остается только извѣстное чувство, а не воспоминаніе завершеннаго круга звуковъ. И впечатлѣнія зрѣнія вѣроятно представляются ребенку какъ болѣе или менѣе неопредѣленный свѣтъ, и только исподоволь слагаются въ опредѣленные очертанія.

Тоже по-видимому и въ жизни народовъ. Древніе языки, крайней-мѣрѣ индоевропейскіе, имѣютъ только три основныя гласныя (*a*, *i*, *y*), и уже относительно поздно вырабатываютъ тѣ не-уловимые для непривычнаго слуха средніе звуки, какіе встрѣчаемъ во многихъ новыхъ языкахъ. Это зависитъ не отъ невозможности принудить органы произнести эти звуки, а отъ того, что они не

замѣчались, хотя и могли случайно встрѣчаться въ говорѣ. Кажется также, что въ исторіи музыки можно-бы открыть увеличеніе любви къ сложнымъ модуляціямъ и сочетаніямъ звуковъ, подобно тому, какъ въ платьѣ люди, стоящіе на низкой степени цивилизаціи, предпочитаютъ яркіе цвѣта, образованные-же темные или блѣдные.

Во-вторыхъ: въ связи съ раздѣльностью возрастаетъ объективная оцѣнка чувственныхъ впечатлѣній. Есть разница между грубымъ, хотя все-же не животнымъ утоленіемъ голода и жажды, и наслажденіями гастронома и знатока винъ: во второмъ случаѣ человекъ менѣе занятъ своимъ личнымъ чувствомъ, чѣмъ свойствами самыхъ потребляемыхъ предметовъ. Еще замѣтнѣе эта разница въ сложныхъ сочетаніяхъ чувственныхъ воспріятій. Древній и, какъ не совсѣмъ вѣрно говорить, близкій къ природѣ человекъ, смотрѣлъ на природу только своекорыстно, что видно изъ языка и поэзіи; какъ дѣтямъ, природа нравилась ему, на сколько была полезна; если-бы онъ обладалъ всѣми техническими средствами искусства, то все-же ландшафтная живопись была-бы для него невозможна. Важность этой послѣдней въ наше время свидѣтельствуетъ не только о большомъ знаніи природы, но и о большомъ умѣнii цѣнить ея самостоятельную красоту.

Въ заключеніе повторимъ сказанное нѣсколько выше, что движеніе въ развитіи чувствъ становится для насъ замѣтнымъ не тогда, когда, по предположенію, они еще близки къ общему чувству, а тогда, когда впечатлѣнія ихъ сложившись въ образы предметовъ, послужили каждое по своему для созданія міра. Тѣмъ совершеннѣе наши чувственные воспріятія, чѣмъ прекраснѣе кажется намъ этотъ міръ и чѣмъ болѣе мы отдѣляемъ его отъ себя. Такое отдѣленіе не есть отчужденіе: оно только сознаніе различія, предполагаемое тѣмъ, что мы называемъ намѣреннымъ вліяніемъ человека на природу и свою собственную жизнь. Если мы такимъ-образомъ вносимъ въ характеристику чувственности, съ которой начинается развитіе, наиболѣе сложные явленія душевной жизни, именно отдѣленіе я отъ не я и связанные съ этимъ измѣненія въ оцѣнкѣ явленій; то это на основаніи предположенія, что уже самыя первыя воздѣйствія души на внѣшнія возбужденія должны быть сообразны со всѣми остальными ея проявленіями: чувства человека, въ первое время его жизни характеризуются тѣмъ, на что они пригодны при дальнѣйшемъ развитіи. Отъ этого развитія, которое намъ извѣстно изъ наблюденій надъ собою, заключаемъ къ свойствамъ чувствъ, лишенныхъ развитія, о которыхъ судить иначе мы не можемъ, по-

некоторые
сенсорные
процессы
на чужд-
ные
изъ себя
различны
какие-то
62

X

тому-что никакое наблюдёніе надъ ребенкомъ не покажетъ, какъ именно представляется свѣтъ, звукъ и проч.

Такимъ-же путемъ приходимъ къ заключенію о чувственности животныхъ, душевная жизнь коихъ извѣстна намъ еще меньше жизни ребенка. Нельзя отказать животному въ способности проекціи воспріятій: оно угрожаетъ, защищается, ищетъ пищи, вообще внѣ себя находитъ причину свсихъ ощущеній. Механизмъ сочетанія простѣйшихъ чувственныхъ воспріятій тотъ-же въ душѣ животного, что и въ душѣ человѣка. Животное, какъ и человѣкъ, одновременно несмѣшивающихся между собою впечатлѣній зрѣнія и осязанія при-нуждено ставить впечатлѣніе внѣ себя; и для него, какъ для человека, къ сочетаніямъ впечатлѣній этихъ двухъ чувствъ присоединяются впечатлѣнія всѣхъ остальныхъ, такъ, что если въ одно время съ видимымъ образомъ предмета воспринимается и извѣстный запахъ, то и впечатлѣніе запаха относится ко внѣшнему образу. Извѣстно также, что силою чувственныхъ впечатлѣній многія животные значительно превосходятъ человѣка и замѣчаютъ предметъ въ такой дали и вообще при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ намъ это было-бы невозможно. Но это не противорѣчитъ тому, что всѣ воспріятія животныхъ болѣе человѣческихъ приближаются къ характеру общаго чувства, становятся все важнѣе для поддержанія организма и безплоднѣе для душевнаго развитія. Даже цвѣтъ и звукъ дѣйствуютъ на иныхъ животныхъ приблизительно такъ, какъ на насъ чувства боли и физическаго удовольствія. Красный цвѣтъ приводитъ въ ярость быка; индѣйскій пѣтухъ замѣтно раздражается свистомъ; съ одною изъ пѣвчихъ птицъ Южной Азіи, которой, какъ говорятъ, довольно разъ услышать иное слово, чтобъ повторить его, дѣлаются судороги отъ громкихъ и нестройныхъ звуковъ.

Въ замѣнъ объективности высшихъ, общее чувство достигаетъ значительной опредѣленности, и на указаніяхъ его основываются вѣроятно многія изъ тѣхъ дѣйствій животныхъ, которыя намъ кажутся предвѣдѣніемъ будущаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ суть слѣдствія уже совершившихся, но незамѣтныхъ для насъ перемѣнъ въ ихъ организмѣ.

Можно думать, что для животного внѣшніе предметы существуютъ только—какъ причины его личныхъ состояній. Какъ граюра передаетъ только свѣтъ и тѣнь, но не колоритъ картины, такъ въ чувственности животныхъ преобладаетъ эгонистическое чувство удовольствія и неудовольствія и исчезаетъ колоритъ, свойственный возбуждающимъ ихъ предметамъ. Одному человѣку свойственно без-

корыстное стремленіе проникать въ особенности предметовъ, неутю-
мимо искать отношеній между отдѣльными воспріятіями и дѣлать
эти отношенія предметами новыхъ мыслей. Хотя нѣкоторыя пѣвчія
птицы замѣчаютъ, удерживаютъ въ памяти и повторяютъ гармониче-
скіе промежутки звуковъ (напр. переходъ отъ основнаго тона къ
терціи и квинтѣ), но въ собственномъ ихъ пѣніи такіе промежутки
встрѣчаются только случайно. Пѣвчей птицѣ недоступно то объектив-
ное и строгое дѣленіе звуковъ, на которомъ основана человѣческая
музыка, хотя безъ сомнѣнія на нее совершенно иначе дѣйствуютъ
высокіе, чѣмъ низкіе тоны. Тоже въ воспріятіяхъ другихъ чувстви-
тельныхъ впечатлѣній и ихъ формъ, напр. числа. „Безсомнѣнія, три
человѣка, которые сходятся и расходятся, представляются живот-
ному не одною массою, а тремя раздѣльными образами, которые на
зрѣніе дѣйствуютъ иначе, чѣмъ два при такихъ-же обстоятель-
ствахъ. Если замѣчать такіа различія значить считать, то животныя
считаютъ; но если считать значить вмѣстѣ сознать, что 3 при-
надлежитъ къ безконечному ряду чиселъ, занимаетъ въ немъ опре-
дѣленное мѣсто между двумя и четырьмя и можетъ быть получено
изъ этихъ послѣднихъ, посредствомъ прибавленія или вычета еди-
ницы, то животныя считать не могутъ и только человѣкъ можетъ
такъ ясно сознать отношенія числа и мѣры“ (Lotze).

Результаты развитія животныхъ такъ незначительны въ сра-
вненіи съ тѣми, какихъ достигаетъ человѣкъ, что и чувственность
ихъ должна стоять многимъ ниже нашей. Независимо отъ явствен-
наго для сравнительной анатоміи и физиологіи различія въ строеніи
и дѣятельности органовъ чувствъ, на сторонѣ человѣка есть необъ-
яснимое, повидимому, преимущество въ способности пользоваться
возбужденіями, переданными посредствомъ органовъ, въ излишнѣ, такъ
сказать, воздѣйствія души, въ отличающей человѣка склонности къ
безкорыстному неутилитарному наслажденію. Въ этомъ совершен-
ствѣ воспріятій, замѣтномъ уже въ ребенкѣ, должна заключаться
одна изъ причинъ того, что человѣкъ есть единственное на землѣ
говорящее существо ¹⁾.

VI. Рефлексивныя движенія и членораздѣльный звукъ.

„Въ чемъ-бы ни состояло то возбужденіе, въ какое нервы
чувствъ приводятся внѣшними предметами, во всякомъ случаѣ оно

¹⁾ О чувственныхъ воспріятіяхъ ср. Lotze, Mikr. II, 168 слѣд.
Steinthal, Gram Log. и Ps. §§ 86, 89, 90.

есть физическое движеніе, которое, по закону энергіи, не может прекратиться, пока не встрѣтитъ сопротивленія, или не раздробится, передавшись близлежащимъ частямъ организма. Если цѣль чувственныхъ органовъ—посредствовать при познаніи внѣшняго міра, то потрясеніямъ, которыя производятъ въ нихъ извѣстное впечатлѣніе въ данное мгновеніе, необходимо ослабляться такъ скоро, чтобы не противодействовать впечатлѣніямъ слѣдующаго момента, или не искажать ихъ постороннею примѣсью. Пока физическое движеніе, возбуждающее чувства, незначительно по величинѣ, оно можетъ уничтожаться частью въ самомъ органѣ посредствомъ постоянно происходящей въ немъ перемѣны частицъ, частью употребляться на образованіе самаго ощущенія въ душѣ, потому-что ощущеніе, какъ новое состояніе души, субстанціи находящейся въ механическомъ взаимодействіи со стихіями тѣла, образуется не только по поводу возбужденія нервовъ; на самое его образованіе истрачивается часть этого возбужденія. Такъ бываетъ при обыкновенныхъ впечатлѣніяхъ свѣта и звука; по-крайней-мѣрѣ сознанію незамѣтно никакой особенной дѣятельности, уравнивающей ихъ вліянія. Когда-же внѣшнія впечатлѣнія достигаютъ болѣзненноощутительной силы, то слѣдуетъ ожидать соотвѣстственнаго увеличенія мѣръ къ ихъ устраненію. Назначеніе нервныхъ нитей—доводить до мозга возбужденія, полученные наружными ихъ концами, а потому нельзя думать, что упомянутыя мѣры состоятъ въ мгновенномъ прекращеніи тока на серединѣ пути, или въ замѣтно усиленномъ раздѣленіи его силы во всѣ стороны. То и другое противорѣчило-бы естественнымъ отправленіямъ чувственныхъ нервовъ. Притомъ-же можно считать общимъ признакомъ организма то, что онъ устраняетъ опасныя для себя потрясенія не новыми средствами, а тѣми-же, которыя дѣйствуютъ при здоровомъ его состояніи. И такъ, мы примемъ, что пока чрезмѣрное потрясеніе не парализируетъ нерва и тѣмъ не устранитъ дальнѣйшихъ послѣдствій слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, возбужденіе проводится нервомъ до центральныхъ органовъ, и уже тамъ умѣряется воздѣйствіями, большими тѣхъ, какія можно замѣтить при обыкновенной силѣ возбужденій“. „Въ мозгу распространеніе возбужденія можетъ происходить по тремъ путямъ, потому-что чувственный нервъ встрѣчаетъ тамъ частью другіе чувственные, частью растительные, частью двигательные. Передача безпокойства нерва другимъ чувствамъ, слѣдовательно возбужденіе другаго ощущенія, можетъ быть только очень незначительна, если цѣль чувствъ—посредствовать при познаніи внѣшняго міра—должна быть достигнута.

Притомъ-же такое явленіе не подтверждается опытомъ: самый сильный свѣтъ не возбуждаетъ ощущенія звука, ни звукъ—запахъ“. Переходъ возбужденія на растительные нервы симпатической системы могъ-бы быть безвреденъ и дѣйствительно имѣть мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ. „Но главнымъ образомъ раздраженіе чувственныхъ нервовъ передается двигательнымъ и возбуждаетъ движенія, посредствомъ коихъ душа дѣлаетъ воспринимаемые предметы объектами своихъ дѣйствій. Такая тѣсная связь нервовъ чувственныхъ съ двигательными и ощущенія съ движеніемъ такъ необходима при нормальномъ теченіи жизни, что неудивительно, если и болѣзненные потрясенія главнымъ образомъ уравниваются тѣмъ-же путемъ, т. е. посредствомъ движеній“.

Рефлексію, т. е. преломленіе силы, дѣйствующей извнѣ внутри организма, можно принять за первоначальный источникъ движенія въ организмѣ, и самое движеніе—за средство уравнивать и дѣлать безвредными потрясенія, полученныя тѣломъ; отсюда легко заключить, что многія и притомъ самыя необходимыя для органической жизни движенія происходятъ или безъ всякаго участія души, подобно судорогамъ обезглавленнаго животнаго, при сильныхъ внѣшнихъ возбужденіяхъ, или безъ участія непосредственнаго, намѣреннаго и творческаго. Жизнь организма должна-бы прекратиться при самомъ своемъ зарожденіи, если-бы необходимыя для нея движенія появлялись не раньше того времени, когда душа будетъ способна открыть ихъ возможность. Умѣнье сосать, глотать, кричать и проч., предшествующее первымъ замѣтнымъ проблескамъ душевной жизни ребенка и общее ему съ животнымъ, можетъ быть понятно только какъ слѣдствіе тѣлеснаго механизма. Даже взрослый человѣкъ не догадался-бы, что ему слѣдуетъ кашлянуть, чтобы удалить изъ горла постороннее тѣло, если-бы самъ организмъ не производилъ этого движенія безъ вѣдома души.

Рядомъ съ собственно рефлексивными движеніями, происходящими отъ потрясеній организма извнѣ, напр. съ движеніями уязвленныхъ членовъ, рвотою отъ дѣйствія отвратительной пищи, смѣхомъ отъ щекотанья, стоятъ движенія, непосредственнымъ источникомъ коихъ должны быть признаны извѣстныя состоянія души. Таковы движенія при одной мысли объ угрожающей намъ опасности, рвота отъ представленія предмета отвратительнаго по вкусу, смѣхъ, производимый безвредными и неожиданными противорѣчіями въ мысли. Согласно съ приведенною выше мыслью, что часть силы, потрясающей организмъ, истрачивается на образованіе ощущенія въ душѣ,

Лице полагаетъ, что „при предположеніи механическаго взаимодѣйствія тѣла и души, и душевныя потрясенія не могутъ представляться ея событіямъ, которыя оканчиваясь въ самой душѣ, требуютъ еще особыхъ мотивовъ для проявленія въ тѣлѣ: они съ самаго начала и сами по себѣ—извѣстное движеніе ¹⁾, такъ что нужны особыя средства не для того, чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ вліяніе на тѣло, а развѣ для того, чтобы воспрепятствовать вліянію“.

Движенія, зависимыя отъ состоянія души, распадаются на двѣ группы. Во-первыхъ, въ подергиваньи, которое испытываетъ человекъ, увлеченный плясовою музыкою, видомъ пляски или фехтованья, въ порывахъ разгнѣваннаго, который видитъ передъ собою предметъ своего гнѣва и во всѣхъ невольныхъ движеніяхъ, въ маломъ видѣ изображающихъ дѣятельность, о которой мы думаемъ, или представляющихъ ея начала, есть нѣчто общее съ возбуждающими ихъ представленіями. Движеніе здѣсь осуществляетъ самую мысль или стремится къ указанной ею цѣли. Но, во-вторыхъ, движеніе можетъ и не имѣть такой видимой связи съ содержаніемъ своего мотива. „Когда душа безцѣльно волнуется чувствами удовольствія или неудовольствія, тогда дѣятельность ея обнаруживается главнымъ образомъ въ разнообразныхъ измѣненіяхъ дыханія, или, точнѣе, проявляется только въ этихъ измѣненіяхъ, потому-что безъ нихъ не обходятся и всѣ остальные тѣлодвиженія. Не одни только сильныя чувства, какъ радость, гнѣвъ, печаль, замедляютъ или ускоряютъ, усиливаютъ или ослабляютъ дыханіе; тоже въ меньшемъ размѣрѣ замѣчается и при чувствахъ, ускользающихъ отъ наблюденія, даже при безстрастномъ переходѣ мысли отъ одного предмета къ другому... Всѣ эти движенія съ перваго разу обнаруживаютъ замѣчательную особенность: они не производятъ ничего, не имѣютъ никакой внѣшней цѣли и служатъ чистѣйшимъ выраженіемъ состояній души. Уже и сами по себѣ они могли-бы быть для наблюдателя живымъ и вѣрнымъ изображеніемъ душевной жизни: но природа приводитъ въ связь органы дыханія съ органомъ голоса и даетъ возможность самымъ незамѣтнымъ особенностямъ безцѣльныхъ волненій души, изображаясь въ звукахъ, передаваться внѣшнему міру... Такъ въ царствѣ животномъ появляются звуки страданія и удовольствія, которые болѣе лишены опредѣленнаго указанія на предметы и дѣйствія, чѣмъ самые грубые жесты, но какъ выраже-

¹⁾ „Sie sind von Anfang an ein gewisses Quantum wirksamer Bewegung“.

ніе даже тайныхъ движеній души безъ сравненія богаче всякаго другаго средства, какое живыя существа могли-бы выбрать для взаимнаго сообщенія“. Поэтому, въ противоположность теперь уже невозвратно отвергнутому мнѣнію, что родъ человѣческій только послѣ долгаго размышленія и выбора между нѣсколькими средствами сообщенія дошелъ до мысли о звуковомъ языкѣ и на ней остановился, мы должны принять, что, напротивъ, представленная фізіологическая необходимость принуждаетъ душу выражать въ звукѣ по-крайней-мѣрѣ общій характеръ ея внутреннихъ состояній.

Врядь-ли кто когда-либо отвергалъ необходимость связи чувства со звуками въ родѣ животныхъ криковъ, смѣха, плача, стона; но слѣдуетъ сказать больше, что и членораздѣльный звукъ, внѣшняя форма человѣческой рѣчи, фізіологически однороденъ съ упомянутыми явленіями и также зависитъ отъ волнующаго душу чувства, т. е. первоначально также произволенъ, хотя потомъ становится послушнымъ орудіемъ мысли.

Если-бъ природа не научила человѣка членораздѣльному звуку, то самъ онъ никогда-бы не открылъ, въ какое положеніе слѣдуетъ привести члено-раздѣляющіе органы, посредствомъ какихъ нервовъ и какъ возбудить голосъ, чтобъ получить этотъ звукъ. Произвольное и сознательное употребленіе слова необходимо предполагаетъ произвольное и безсознательное. Сознательность наша никогда не идетъ далѣе наблюденія надъ способомъ, какимъ мы произносимъ звукъ, къ которому мы при этомъ относимся страдательно, какъ къ готовому и независимому отъ насъ факту. На извѣстной степени развитія зависитъ, повидимому, отъ нашего произвола, произнести-ли звукъ, или нѣтъ; но, когда мы произносимъ, въ сознаніи нашемъ есть только наша цѣль, т. е. образъ требуемаго звука и связанное съ нимъ смутное воспоминаніе о томъ состояніи общаго чувства, которое сопровождало движенія органовъ, нужныя для осуществленія этой цѣли. Участіе произвола видно здѣсь только въ измѣненіи цѣли, измѣненія-же пружинъ, ведущихъ къ ея исполненію, происходятъ сами собою и остаются внѣ сознанія ¹⁾.

¹⁾ Мысль, что исходною и единственною, доступною произволу точкою при намѣренномъ произношеніи звука служить его образъ, находящійся въ сознаніи, вѣрна только въ примѣненіи къ большинству говорящихъ, надѣленныхъ отъ природы слухомъ. Для глухонѣмаго, котораго учатъ говорить, указывая на соотвѣтствіе отдѣльных начертаній звуковъ извѣстнымъ положеніямъ и движеніямъ

Возможность существованія въ душѣ звуковаго образа, какъ цѣли, а вмѣстѣ и весь процессъ сознательнаго произношенія, предполагается такой-же процессъ, вполне бессознательный, хотя и происходящій не безъ участія души. Примеромъ послѣдняго могутъ служить не только тѣ вполне обыкновенные случаи, когда волнуемая чувствомъ грудь невольно облегчается члено-раздѣльнымъ восклицаніемъ, но еще больше общая ребенку съ пугаемымъ наклонность повторять звуки, поражающіе его слухъ. Въ ребенкѣ и въ птицѣ, которая выучивается произносить члено-раздѣльные звуки, потрясеніе слуховыхъ нервовъ, содѣйствуя образованію представленія въ душѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ съ фیزیологическою необходимостью отражается въ дѣятельности голосовыхъ органовъ.

Однако результаты доказываютъ, что сходство между чловѣкомъ и животнымъ въ ходѣ образованія звуковъ далеко не полное. Члено-раздѣльный звукъ все-же есть исключительная принадлежность чловѣка; въ крикахъ животныхъ наиболѣе близкихъ къ намъ по устройству тѣла, онъ вовсе не встрѣчается, а въ птицахъ — только какъ случайное для ихъ природы слѣдствіе усилій чловѣка, или по-крайней-мѣрѣ какъ явленіе неимѣющее для ихъ жизни и тѣни того значенія, какое оно имѣетъ для нашей. Здѣсь самъ собою представляется вопросъ, почему члено-раздѣльность свойственна только одному чловѣку? Всякій отвѣтъ на это долженъ или предположить яснымъ самое понятіе члено-раздѣльности, или начаться съ его разложенія и уясненія, которое можетъ быть достигнуто разными путями. Физикъ, быть можетъ, могъ-бы открыть, что графическія изображенія звуковыхъ волнъ, производящихъ членораздѣльный звукъ, подобныя тѣмъ, какія найдены для музыкальных тоновъ, особенно правильны и симметричны сравнительно съ изображеніями животнаго крика. Фیزیологъ могъ-бы изслѣдовать движенія органовъ, нужныя для члено-раздѣльности, и вмѣстѣ отвѣчать на вопросъ о причинахъ ея отсутствія въ животныхъ тѣмъ, что хотя многія животныя, судя по внѣшнему устройству органовъ (голосовыхъ струнъ, гортани, нѣба, языка, и т. д.), и были-бы въ состояніи издавать члено-раздѣльные звуки, но ихъ нервы, приводящіе въ движеніе упомянутые органы, лишены способности вѣрно рефлексировать по-

органовъ, намѣренною-измѣняемою цѣлью становится не образъ звука, котораго никогда не было въ его сознаніи, а состояніе общаго чувства, сопровождавшее произношеніе звука. За воспоминаніемъ этого чувства у него слѣдуетъ самое движеніе органовъ и звукъ.

трясеніе слуха. Но чтобы остаться на психологической точкѣ зрѣнія, нужно искать опредѣленія члено-раздѣльному звуку не въ томъ, что онъ такое—независимо отъ сознанія, а въ томъ, какъ онъ представляется самому сознанію говорящаго. Ближайшій источникъ звука для сознанія и вмѣстѣ для психологіи есть не дрожаніе нервовъ, какъ для фізіологіи, а чувственное воспріятіе, извѣстное состояніе души. Звукъ со стороны вліянія его на нашу душевную жизнь представляется намъ не мѣрою, необходимою для успокоенія организма, а средствомъ уравнивать душевные потрясенія, освобождаться отъ ихъ подавляющей силы. Не всякому, конечно, приходилось спрашивать себя, какая польза человѣку крикнуть отъ испуга; но всякій, кто созналъ свой испугъ и его проявленіе въ звукъ и кто поставленъ этимъ въ необходимость смотрѣть на звукъ по отношенію его къ мысли, скажетъ, что онъ крикнулъ отъ испуга. Развитое такимъ путемъ понятіе о звукѣ предполагаетъ его соотвѣтствіе свойствамъ душевныхъ потрясеній и заставляетъ искать причины члено-раздѣльности въ ея соотвѣтствіи отличительному характеру чувственности человѣка.

„Членораздѣльность (die Articulation), говоритъ Гумбольтъ, основывается на власти духа принуждать органы къ такимъ видоизмѣненіямъ (Behandlung) звука, какія соотвѣтствуютъ формѣ дѣятельности самаго духа. Между дѣятельностью духа и члено-раздѣльностью то общее, что и та и другая разлагаетъ свою область на основныя части, соединеніе коихъ образуетъ такія цѣлыя, которыя носятъ въ себѣ стремленіе стать частями новыхъ цѣлыхъ. Сверхъ этого, мышленіе требуетъ сочетанія разнообразія въ единство. Поэтому необходимые признаки члено-раздѣльнаго звука—а) ясно осязаемое единство и б) такое свойство, по которому онъ можетъ стать въ опредѣленное отношеніе ко всѣмъ другимъ члено-раздѣльнымъ звукамъ, какіе только мыслимы ¹⁾).

а) Гласная и согласная—это простѣйшія стихіи, на которыя мы разлагаемъ матеріалъ слова. Въ первой насъ болѣе поражаетъ голосъ, звуковое волненіе воздуха, опредѣляемое степенью напряженности голосовыхъ лентъ; во второй—болѣе замѣтенъ шумъ, исходящій отъ препятствій, встрѣчаемыхъ звукомъ во внѣшнихъ органахъ, начиная съ гортани. Они относятся другъ къ другу не какъ внутреннее и внѣшнее, не какъ содержаніе и форма, а ско-

¹⁾ Ueb. die Versch. 68—9.

рѣе какъ звуки различныхъ инструментовъ¹⁾. Хотя согласная и гласная получаютъ только посредствомъ разложенія слова, но тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ не идеальное, а дѣйствительное бытіе, какъ химическія тѣла, добываемыя только анализомъ и въ природѣ не существующія въ чистомъ видѣ²⁾. „Дѣленіе простого слога на согласный и гласный звукъ³⁾ есть только искусственное. Въ природѣ эти звуки такъ взаимно опредѣляютъ другъ-друга, что слуху представляются нераздѣльнымъ единствомъ... Собственно говоря, и гласныя не могутъ быть выговорены сами по себѣ. Образующій ихъ

1) Если скажемъ, что согласная есть форма гласной, то, хотя изъ этого и будемъ въ состояніи объяснить, что одна безъ другой существовать не можетъ, но принуждены будемъ прійти къ нелѣпому заключенію, что, такъ-какъ мы слышимъ согласную или впереди или позади гласной, то и форма вообще можетъ даваться намъ прежде или послѣ содержанія, отдѣльно отъ него, тогда какъ на дѣлѣ такое отдѣленіе содержанія отъ формы невозможно. Если-же предположимъ, что въ самой согласной есть гласная, потому что форма безъ содержанія быть не можетъ, то выйдетъ, что содержаніе, которое мы привыкли считать самымъ важнымъ въ настоящемъ случаѣ, не имѣетъ для насъ никакого значенія, потому-что никто не цѣнитъ согласной по этой незамѣтной въ ней гласной стихіи. Подобнымъ образомъ слѣдовало-бы принять, что если согласная есть форма гласной, то голосъ—форма дыханія, такъ что содержаніе (дыханіе) будетъ возможно безъ формы. Вводимое Беккеромъ различіе гласной отъ согласной, состоящее въ томъ, что матеріаль (дыханіе и голосъ) или вполне и такъ индивидуализированы въ извѣстной формѣ, что въ звукъ форма преобладаетъ надъ содержаніемъ (какъ въ согласныхъ) или-же такъ, что матеріаль (Stoff) не вполне индивидуализированъ формою и преобладаетъ надъ нею [какъ въ гласныхъ] (Org. 33). Такое различіе не имѣетъ смысла. Всякій членораздѣльный звукъ индивидуализированъ вполне, потому-что рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ; преобладанія формы надъ содержаніемъ или наоборотъ въ немъ быть не можетъ.

2) Гумбольтъ, повидимому, противнаго мнѣнія: „въ слогѣ—не два звука или болѣе, какъ можетъ казаться по нашему способу писать, но одинъ, произнесенный извѣстнымъ образомъ“ (170); но это только повидимому, потому-что онъ признаетъ существованіе двухъ, взаимно опредѣляющихъ другъ-друга и опредѣлительно различаемыхъ и слухомъ и абстракціею рядовъ звуковъ, т. е. согласныхъ и гласныхъ.

3) У Гумбольта прибавлено: „если при этомъ захотимъ считать тотъ и другой самостоятельными“, т. е. отдѣльно существующими. Мы этого не хотимъ, но несамостоятельность ихъ вовсе не такова, какъ несамостоятельность формы и матеріала или содержанія.

токъ воздуха долженъ встрѣтить извѣстное препятствіе (bedarf eines Anstosses), которое дѣлаетъ его слышимымъ и если это препятствіе состоитъ не въ явственной согласной, то все-же оно должно быть хоть самымъ легкимъ придыханіемъ, какое въ нѣкоторыхъ языкахъ на письмѣ ставится передъ каждою начальною гласною (Humb. 70). Такимъ образомъ въ слогѣ, какъ и въ дѣятельности духа, мы находимъ разнообразіе въ единствѣ. Слогъ самъ по себѣ тоже имѣетъ только искусственное существованіе; въ природѣ, т. е. въ человѣческой рѣчи, онъ существуетъ только какъ слово, или какъ часть другого слова, составляющаго одно цѣлое, которое и въ свою очередь *есть* только какъ часть высшаго цѣлаго, т. е. самой рѣчи.

б) Съ другой стороны, если остановимся на простѣйшихъ звуковыхъ стихіяхъ слова, оказывается слѣдующее. Какъ ни безконечно разнообразны гласные звуки всевозможныхъ языковъ, но рядъ ихъ не можетъ быть продолженъ или сокращенъ по произволу. Въ какое-бы необыкновенное положеніе мы ни привели свои органы и какъ-бы ни былъ страненъ произнесенный такимъ образомъ гласный звукъ, всегда онъ найдетъ опредѣленное мѣсто въ ряду, главными точками котораго служатъ простыя гласныя *a, u, y*, и можетъ быть объясненъ этимъ рядомъ приблизительно такъ, какъ сложные звуки *e, o*, которые въ индоевропейскихъ языкахъ произошли первое изъ *au*, второе изъ *ay*. Гласные представляютъ для насъ такую-же замкнутую, строго законную, имѣющую объективное значеніе систему, какъ музыкальные звуки и цвѣта. Мы чувствуемъ, что такъ-же напрасно было бы усиліе выйти за предѣлы семи цвѣтовъ радуги, какъ и за предѣлы основныхъ звуковъ.

Это не такъ ощутительно въ ряду согласныхъ, но тѣмъ не менѣе и они дѣлятся на группы, всѣ члены коихъ имѣютъ свое опредѣленное мѣсто.

Не всѣмъ языкамъ свойственны всѣ звуки, какъ не всѣмъ инструментамъ—всѣ тоны; въ каждомъ языкѣ есть своя система звуковъ, болѣе или менѣе богатая и опредѣленная по отдѣльнымъ составляющимъ ее звукамъ, но всегда строго послѣдовательная, потому-что предшествующее даетъ въ ней направленіе послѣдующему. Такой послѣдовательности не противорѣчитъ то, что повидимому не во-всѣхъ періодахъ языка и не во-всѣхъ слояхъ говорящаго имъ народа иностранныя слова прилаживаются къ туземнымъ фонетическимъ приѣмамъ, потому-что или подобныя слова остаются внѣ языка, или же въ дѣйствительности не рознятся съ нимъ.

Не трудно въ этомъ единствѣ, стройности и законности, откры-

a, u, y

но
описи
показ
содерж
ние
сущест
на а
зву
неб

ваемых нами въ звуковыхъ стихіяхъ слова, найти соотвѣтствіе раздѣльности воспріятій, характеризующей человѣческую чувственность.

Въ нечлено-раздѣльныхъ звукахъ мы встрѣтимъ отдѣльные согласные (напр. р.—въ ворчаньи собаки, губные въ мычаньи коровы, гортанные въ ржаньи лошади), но вмѣстѣ должны будемъ сознаться, что мы находимъ ихъ въ животныхъ крикахъ единственно потому, что привыкли слышать въ человѣческой рѣчи. Лай или вой собаки, раздѣленный на безконечно малыя частицы, наполнилъ-бы каждую изъ этихъ частицъ чистою гласною, или согласною; но органы собаки при этомъ не остаются ни на одно ощутимое мгновеніе въ одномъ положеніи, и звукъ, только что появляясь, уже переходитъ въ другой, отчего для одного наблюдателя онъ приближается къ одному членораздѣльному звуку, въ глазахъ другого къ другому. Въ животномъ звукѣ нѣтъ единицы такой, какъ въ человѣческомъ языкѣ — звукъ, слогъ, слово (въ фонетическомъ смыслѣ), а потому онъ невыразимъ средствами человѣческихъ азбукъ, предполагающихъ такія единицы.

Члено-раздѣльность звука достигается далеко не сразу. Это видно изъ того, что съ одной стороны и человѣкъ подъ вліяніемъ потрясеній, имѣющихъ характеръ общаго чувства, т. е. именно тогда, когда наименѣе заинтересованъ своими звуками, издаетъ нечлено-раздѣльные крики; съ другой — дитя, даже при болѣе раздѣльных впечатлѣніяхъ, при сознательной рѣчи, говоритъ неразборчиво. Кому случалось наблюдать, какъ дитя много разъ повторяетъ про себя непонятное слово, какъ оно забавляется движеніями своихъ органовъ слова, кто сколько-нибудь помнить свое раннее дѣтство, тотъ согласится, что „удовольствіе, доставляемое человѣку члено-раздѣльнымъ звукомъ, сообщаетъ этому звуку опредѣленность, разнообразіе и богатство сочетаній“¹⁾. Дитя воспринимаетъ звукъ съ гораздо болѣею опредѣленностью, чѣмъ животное; въ этотъ звукъ оно переноситъ свое субъективное удовольствіе отъ движенія органовъ и, находя въ немъ самую эстетическую цѣну, останавливаетъ на немъ вниманіе. Такъ интересъ, возбуждаемый звукомъ, въ свою очередь становится мотивомъ болѣе членораздѣльности, тогда какъ пѣвчая птица, испытывая на себѣ вліяніе своей пѣсни, не замѣчаетъ этого, не дѣлаетъ прежней своей пѣсни исходною точкою для новой и ограничивается своимъ субъективнымъ, такъ сказать, первичнымъ удовольствіемъ. Уже для ребенка произношеніе звуковъ есть не

¹⁾ Humb. Ueb. die Versch. 72.

только удовольствіе, но и работа. „Человѣкъ, говоритъ Гумбольтъ, стремленіемъ своей души вынуждаетъ у своихъ тѣлесныхъ органовъ членораздѣльный звукъ“. Это „стремленіе души“ тождественно съ тѣмъ, какое образуетъ языкъ и вообще дѣлаетъ возможнымъ человѣческое развитіе. Чистота звука отъ всякой посторонней примѣси... (и всѣ признаки, связанные съ этимъ) непосредственно вытекаетъ изъ намѣренія ¹⁾ сдѣлать его стихіею рѣчи“ ²⁾. „Намѣреніе придать значеніе и способность звука имѣть его, и при томъ не значеніе вообще (потому-что такое значеніе имѣть и крикъ животныхъ), а именно изображать мысль: вотъ все, что характеризуетъ членораздѣльный звукъ; кромѣ этого, нельзя въ немъ найти никакого отличія отъ животнаго крика съ одной и музыкальнаго тона съ другой стороны“ ³⁾. Такимъ-образомъ членораздѣльный звукъ опредѣляется тѣмъ, для чего онъ годится, какъ выше чувства человѣка характеризовались тѣмъ развитіемъ, основаніемъ котораго они служатъ. Другого опредѣленія членораздѣльному звуку найти нельзя. Въ природѣ онъ встрѣчается только въ человѣческой рѣчи, служить только для изображенія мысли, а потому только отъ свойствъ мысли заимствуетъ всѣ свои признаки ⁴⁾.

VII. Языкъ чувства и языкъ мысли.

Оставивши въ сторонѣ нечленораздѣльные звуки, подобные крикамъ боли, ярости, ужаса, вынуждаемые у человѣка сильными потрясеніями, подавляющими дѣятельность мысли, мы можемъ въ членораздѣльныхъ звукахъ, разсматриваемыхъ по отношенію не къ общему характеру человѣческой чувственности, а къ отдѣльнымъ душевнымъ явленіямъ, съ которыми каждый изъ этихъ звуковъ находится въ ближайшей связи, различить двѣ группы: къ первой изъ этихъ группъ относятся междометія, непосредственныя обнаруженія относительно спокойныхъ чувствъ въ членораздѣльныхъ звукахъ; ко второй—слова въ собственномъ смыслѣ. Чтобы показать, въ чемъ состоитъ различіе словъ и междометій, которыхъ мы не называемъ

¹⁾ Многія другія мѣста показываютъ, что подъ намѣреніемъ (Absicht) Гумбольтъ не понимаетъ здѣсь ничего произвольнаго.

²⁾ Humb. 69.

³⁾ Humb. 67.

⁴⁾ О рефлексивныхъ движеніяхъ и членораздѣльномъ звукѣ см. Lotze, Mikr. II, 210—224. Ср. также Steinth. Gr. L. и Ps. § 87 Lazarus. Das Leben der Seele, II, 37 слѣд.

словами и тѣмъ самымъ не причисляемъ къ языку, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на слѣдующее.

Извѣстно, что въ нашей рѣчи тонъ играетъ очень важную роль и нерѣдко измѣняетъ ея смыслъ. Слово дѣйствительно существуетъ только тогда, когда произносится, а произносится оно должно непремѣнно извѣстнымъ тономъ, который уловить и назвать иногда нѣтъ возможности; однако хотя съ этой точки безъ тона нѣтъ значенія, но не только отъ него зависитъ понятность слова, а вмѣстѣ и отъ членораздѣльности. Слово *вы* я могу произнести тономъ вопроса, радостнаго удивленія, гнѣвнаго укора и проч., но во всякомъ случаѣ оно останется мѣстоименіемъ второго лица множественнаго числа; мысль, связанная со-звуками *вы*, сопровождается чувствомъ, которое выражается въ тонѣ, но не исчерпывается имъ и есть нѣчто отъ него отличное. Можно сказать даже, что въ словѣ членораздѣльность перевѣшиваетъ тонъ; глухонѣмыми она воспринимается посредствомъ зрѣнія и слѣдовательно можетъ совсѣмъ отдѣлиться отъ звука ¹⁾.

Со-всѣмъ наоборотъ—въ междометіи: оно членораздѣльно, но, это его свойство постоянно представляется намъ чѣмъ-то второстепеннымъ. Отнимемъ у междометій *о*, *а* и пр. тонъ, указывающій на ихъ отношеніе къ чувству удивленія, радости и др., и они лишятся всякаго смысла, станутъ пустыми отвлеченіями, извѣстными точками въ гаммѣ гласныхъ. Только тонъ даетъ намъ возможность догадываться о чувствѣ, вызывающемъ восклицаніе у человѣка, чуждаго намъ по языку. По тону, языкъ междометій, подобно мимикѣ, безъ которой междометіе, въ отличіе отъ слова, во многихъ случаяхъ, вовсе не можетъ обойтись, есть единственный языкъ, понятный всѣмъ.

Съ этимъ связано другое, болѣе внутреннее отличіе междометія отъ слова... мысль, съ которою когда-то было связано слово, снова вызывается въ сознаніе звуками этого слова, такъ что напр. всякій разъ, какъ я услышу имя извѣстнаго мнѣ лица, мнѣ представляется снова болѣе или менѣе ясно и полно образъ того самаго лица, которое я прежде видалъ, или-же извѣстное видоизмѣненіе, сокращеніе этого образа. Эта мысль воспроизводится если не совсѣмъ въ прежнемъ видѣ, то такъ однако, что второе, третье воспроизведеніе могутъ быть для насъ даже важнѣе перваго. Обыкновенно человѣкъ во-все не видитъ разницы между значеніемъ, какое

¹⁾ Humb. Ueb. die Versch. 67.

онъ соединялъ съ извѣстнымъ словомъ вчера, и какое соединяетъ сегодня, и только воспоминаніе состояній, далекихъ отъ него по времени, можетъ ему доказать, что смыслъ слова для него мѣняется. Хотя имя моего знакомаго подѣйствуетъ на меня иначе теперь, когда уже давно его не вижу, чѣмъ дѣйствовало прежде, когда еще свѣжо было воспоминаніе объ немъ; но тѣмъ не менѣе въ значеніи этого имени для меня всегда остается нѣчто одинаковое. Такъ и въ разговорѣ: каждый понимаетъ слово по своему, но внѣшняя форма слова проникнута объективною мыслью, независимую отъ пониманія отдѣльных лицъ. Только это даетъ слову возможность передаваться изъ рода въ родъ; оно получаетъ новыя значенія только потому, что имѣло прежнія. Наслѣдственность слова есть только другая сторона его способности имѣть объективное значеніе для одного и того же лица. Междоустье не имѣетъ этого свойства. Чувство, составляющее все его содержаніе, не воспроизводится такъ, какъ мысль. Мы убѣждены, что событія, о которыхъ теперь напомнить намъ слово *школа*, тождественны съ тѣми, которые были и прежде предметомъ нашей мысли; но мы легко замѣтимъ, что воспоминаніе о нашихъ дѣтскихъ печаляхъ можетъ намъ быть пріятно, и наоборотъ, мысль о беззаботномъ нашемъ дѣтствѣ можетъ возбуждать скорбное чувство, что вообще воспоминаніе о предметахъ, внушавшихъ намъ прежде такое-то чувство, вызываетъ не это самое чувство, а только блѣдную тѣнь прежняго или лучше сказать совсѣмъ другое.

Хотя повторяя въ мысли прежнія воспоминанія мы прибавляемъ къ нимъ новыя стихіи, измѣняемъ ихъ обстановку, ихъ отношенія къ другимъ, ихъ характеръ; но простыя стихіи нашей мысли при этомъ будутъ тѣ же. Такъ, та часть, которую я вижу въ картинѣ прежде прочихъ, не исчезнетъ для меня и тогда, когда вмѣстѣ съ нею увижу и всѣ остальные части; первое мое воспріятіе, ставши рядомъ съ послѣдующими, составитъ съ ними одно цѣлое, получить для меня новый смыслъ, но само по себѣ и на мой взглядъ сохранится неизмѣннымъ въ составляемомъ мною общемъ образѣ картины. Чувство не заключаетъ въ себѣ никакихъ частей. Мы знаемъ, что сила и качество чувства опредѣляются расположеніемъ и движеніемъ представленій, но эти представленія только условія, а не стихіи чувства. Малѣйшее измѣненіе въ условіяхъ производить новое чувство, несохраняющее для сознанія никакихъ слѣдовъ прежняго. Подобнымъ образомъ мы можемъ знать, изъ сколькихъ частей составлены духи, но чувствуемъ только одинъ недѣлимый запахъ, который весь измѣнится отъ присоединенія новыхъ веществъ къ преж-

нему составу. Мысль имѣеть своимъ содержаніемъ тѣ воспріятія или ряды воспріятій, какіе въ насъ были, и потому можетъ старѣться; чувство есть всегда оцѣнка наличнаго содержанія нашей души и всегда ново. Отсюда понятно, почему междометіе, какъ отголосокъ мгновеннаго состоянія души, каждый разъ создается съизнова и не имѣеть объективной жизни, свойственной слову. Правда, мы можемъ вспомнить и повторить невольно изданное нами восклицаніе, но тогда произносимый нами звукъ будетъ уже предметомъ нашей мысли, а не отраженіемъ чувства, будетъ названіемъ междометія, а не междометіемъ. Говоря „я сказалъ *ахъ*“, или отвѣчая односложнымъ повтореніемъ звука *ахъ* на вопросъ: „что вы сказали“, мы дѣлаемъ это *ахъ* частью предложенія, или цѣлымъ неразвитымъ предложеніемъ, но во-всякомъ случаѣ словомъ. Междометіе уничтожается обращенною на него мыслью, подобно тому, какъ чувство разрушается самонаблюденіемъ, которое необходимо прибавляетъ нѣчто новое къ тому, чѣмъ занято было сознаніе во-время самаго чувства.

Отсюда вытекаетъ третій отличительный признакъ междометія. Понятъ извѣстное явленіе значить сдѣлать его предметомъ нашей мысли; но мы видѣли, что междометіе перестаетъ быть само-собою, какъ скоро мы обратили на его вниманіе: поэтому оно, оставаясь собою, непонятно. Разумѣется, мы говоримъ здѣсь не о томъ непониманіи, которое выражается вопросомъ: „что это?“ или утверженіемъ „я этого не понимаю“; и вопросъ этотъ и утверженіе речутся уже за извѣстную степень пониманія, предполагаютъ въ насъ нѣкоторое знаніе того, объ чемъ мы спрашиваемъ и чего не знаемъ. Непонятность междометія — въ томъ, что оно совсѣмъ незамѣтно сознанію субъекта. Если сообразить, что мы понимаемъ произнесенное другимъ слово лишь на столько, на сколько оно стало нашимъ собственнымъ (точно такъ какъ вообще понимаемъ внѣшнія явленія только послѣ того, какъ они стали достояніемъ нашей души), и что произнесенное другимъ восклицаніе усваивается нами не какъ междометіе, т. е. непосредственное выраженіе чувства, а какъ знакъ, указывающій на присутствіе чувства въ другомъ ¹⁾; то къ сказанному, что междометіе непонятно для самаго субъекта нужно будетъ прибавить, что оно и ни для кого непонятно. Не должно казаться страннымъ, что междометіе будучи рефлексією волненія души и

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ мы назвали выше языкъ междометій—общепонятнымъ.

возвращаясь въ нее, какъ впечатлѣніе звука, остается ей незамѣтнымъ: сплошь да рядомъ—случаи, которые могутъ насъ убѣдить, что и своя душа—потемки, что въ насъ множество воспріятій и чувствъ, намъ совершенно неизвѣстныхъ.

Непонятность междометія можно иначе выразить такъ: оно не имѣетъ значенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ имѣетъ его слово. Если-бъ не препятствія со стороны языка, мы бы не сказали, что восклицаніе, вынуждаемое страхомъ, значитъ страхъ, т. е. мысль объ немъ, выраженную въ словѣ *страхъ*, подобно тому, какъ не сказали бы, что мгновенная краска на лицѣ значить стыдъ. Какъ часовая и минутная стрѣлки на двѣнадцати не значать двѣнадцать часовъ, а только указываютъ на извѣстное время, какъ ознобъ или жаръ, скорость и медленность пульса, не означаютъ болѣзнь, а только служатъ ея признаками для врача; такъ и въ междометіяхъ наблюдатель видитъ безсмысленные сами по себѣ признаки состояній души, тогда какъ въ словѣ онъ имѣетъ дѣло съ готовою уже мыслью.

Вмѣстѣ со-многими другими остатками прежнихъ періодовъ общечеловѣческаго развитія мы сохранили наклонность переносить въ животныхъ замѣченное нами только въ себѣ, надѣлять ихъ напр. языкомъ, который мы знаемъ только въ человѣкѣ. Это будетъ вѣрно развѣ въ томъ случаѣ, если къ языку отнесемъ мы и междометія и если будемъ помнить, что внѣшнее различіе между междометіями членораздѣльными и нечленораздѣльными звуками животныхъ указываетъ на глубокую внутреннюю разницу душевныхъ процессовъ въ человѣкѣ и животномъ. Обыкновенно мы принимаемъ свои слова въ слишкомъ точномъ значеніи, когда говоримъ напр., что „собака просить ѣсть“. Мы забываемъ при этомъ, что подобная просьба въ человѣкѣ есть явленіе очень сложное, предполагающее, кромѣ сознанія чувства голода, еще мысль о средствахъ его удовлетворенія, о лицѣ, которое можетъ доставить эти средства, о нашихъ отношеніяхъ къ этому лицу, недопускающихъ требованія, о различіи требованія и просьбы, однимъ словомъ—многое такое, чего не можемъ предположить въ животномъ, если не хотимъ уравнивать его съ человекомъ по способности къ развитію. Лай или визгъ собаки, который намъ кажется просьбою, есть только рефлексія непріятнаго, испытываемаго ею чувства, есть движеніе столь-же мало подлежащее ея наблюденію и такое-же невольное, какъ прыжокъ въ сторону при видѣ занесенной надъ нею палки. Звуки животныхъ необъяснимы одними фізіологическими законами: они связаны съ воспріятіями и

сопровождающими ихъ чувствами, ассоціаціями воспріятій, ожиданіемъ подобныхъ случаевъ; но, повторяемъ, они не имѣютъ значенія, не понимаются, и не служатъ средствами производить пониманіе въ другихъ. Пѣтухъ поетъ въ извѣстную пору вовсе не затѣмъ, чтобы вызвать отвѣтъ другого, и другой не отвѣчаетъ ему, а поетъ самъ по себѣ, потому что его слуховые нервы, раздраженные крикомъ перваго, переносятъ свое движеніе на голосовые органы. Собака не понимаетъ обращеннаго къ ней слова, потому что въ душѣ ея, какъ увидимъ, нельзя предположить той формы мысли, которая выражается въ словѣ и безъ которой было-бы невозможно пониманіе между людьми, но она побуждается звукомъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, такъ-какъ могла-бы быть возбуждена ударомъ, уколомъ. Если она начинаетъ громче лаять, когда ей дольше обыкновеннаго не даютъ ѣсть, или если дитя, еще неговорящее, усиливаетъ свой крикъ при такихъ-же обстоятельствахъ; то это опять не отъ пониманія значенія лая и крика для другихъ. Въ ребенкѣ чувство голода, вынуждающее крикъ и дѣйствія окружающихъ его лицъ, удаляющихъ это чувство, при повтореніи ассоціируются, такъ что если снова дано будетъ чувство съ сопровождающимъ его звукомъ, то тѣмъ самымъ вызовется и ожиданіе его удовлетворенія. Когда этого послѣдняго долго нѣтъ, то усилится чувство ожиданія и въ свою очередь будетъ способствовать усиленію звука, который при этомъ будетъ рефлексією и чувства ожиданія и чувства голода.

Языкъ животныхъ и человѣка въ раннюю пору дѣтства состоитъ изъ рефлексій чувства въ звукахъ. Вообще нельзя себѣ представить другого источника звукового матеріала языка. Человѣческій произволъ застаётъ звукъ уже готовымъ: слова должны были образоваться изъ междометій ¹⁾, потому-что только въ нихъ человѣкъ могъ найти членораздѣльный звукъ. Такимъ-образомъ первобытныя междометія, по своей послѣдующей судьбѣ, распадаются на такія, которыя навсегда остались междометіями, и на такія, которыя съ незапамятныхъ временъ потеряли свой интеръекціональный характеръ. Къ первымъ принадлежатъ восклицанія физической боли и удовольствія и болѣе сложныхъ чувствъ, условливаемыхъ не столько качественнымъ содержаніемъ мысли, сколько ея формою (напр. восклицанія удивленія, радости, горя); ко вторымъ, судя по корнямъ теперешнихъ языковъ, главнымъ образомъ, если не исключительно, междометія чувствъ, связанныхъ съ впечатлѣніями зрѣнія и слуха.

¹⁾ Cp. Ueb. die Versch. 209.

Выше мы упомянули, что междометіе подъ вліяніемъ обра-
щенной на него мысли, измѣняется въ слово: теперь слѣдуетъ дол-
ше остановиться на томъ, какъ именно происходитъ это измѣненіе,
т. е. созданіе языка, какъ приобрѣтаетъ человѣкъ умѣнье понимать
себя и другихъ, въ чемъ заключается то, что мы называемъ объ-
ективностью значенія, понятностью слова? 4

Прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ условія образованія
слова, которые могутъ сами собою найтись въ человѣкѣ, взятомъ
отдѣльно, независимо отъ связи съ обществомъ. Во первыхъ, произ-
нося слово, мы можемъ замѣтить, что чувство, внушаемое тѣмъ,
что представляется намъ содержаніемъ слова, такъ слабо въ срав-
неніи съ чувствомъ, которое прорывается въ восклицаніи, что само
по себѣ не вызвало-бы звука, еслибъ не застало его уже готовымъ.
Отсюда выводимъ, что напряженность чувства, владѣющаго чело-
вѣкомъ, который произноситъ междометіе, должно уменьшиться при
переходѣ междометія въ слово. Во вторыхъ, такое паденіе интен-
сивности чувства требуется и тою ясностію, съ которою мы пред-
ставляемъ себѣ содержаніе слова, и тою отдѣлкою, какую мы при-
даемъ его формѣ. Пословицу „у страха глаза велики“ мы можемъ
распространить на всѣ сильныя чувства, которые не то-что непре-
мѣнно заставляютъ насъ преувеличивать, а просто не даютъ раз-
смотрѣть предметовъ, причинившихъ испытываемое нами потрясеніе.
Создавая слово, человѣкъ долженъ замѣтить свой собственный звукъ;
это уже самонаблюденіе, рефлексія въ психологическомъ смыслѣ
этого слова, которая тѣмъ труднѣе для насъ, чѣмъ болѣе мы увле-
чены общимъ потокомъ своей мысли, чѣмъ сильнѣе волнующее насъ
чувство. Оба эти условія (слабость чувства и опредѣленность вос-
пріятія) до значительной степени даются однимъ повтореніемъ та-
кихъ-же воспріятій. Человѣкъ, напр. съ невольнымъ ужасомъ и со-
вершенно безотчетно наклоняетъ голову, слыша надъ собою впер-
вые свистъ пули; но потомъ привыкаетъ къ этому свисту, начинаетъ
вслушиваться въ его особенности. Такое ослабленіе чувства можетъ-
быть независимо отъ всякихъ свойственныхъ только человѣку сооб-
раженій, потому-что замѣчается и въ животныхъ (напр. въ лошади,
привыкающей къ тяжести всадника, къ выстрѣламъ, къ виду вер-
блюдовъ и проч.), хотя это ослабленіе не даетъ имъ человѣческой
объективности взгляда. 12

По мѣрѣ, какъ уменьшается необходимость отраженія чувства
въ звукъ, увеличивается другого рода связь звука и представленія.
Звукъ, издаваемый человѣкомъ, воспринимается имъ самимъ, и

образъ звука, слѣдую постоянно за образомъ предмета, ассоціируется съ нимъ. При новомъ воспріятіи предмета, или при воспоминаніи прежняго, повторится и образъ звука, и уже въ слѣдъ за этимъ (а не посредственно, какъ при чисто рефлексивныхъ движеніяхъ) появится самый звукъ. Сходное съ этимъ спѣлленіе образа предмета, образа движенія и самаго движенія встрѣчаемъ очень часто: музыкантъ или наборщикъ, при видѣ ноты или буквы, при одной мысли объ нихъ, сразу находитъ нужный клавишъ инструмента, или отдѣленіе ящика съ буквами. Ассоціація воспріятій предмета и звука, замѣняющая непосредственное рефлексивное движеніе голосовыхъ органовъ такимъ, въ которомъ произнесеніе звука посредствуется его образомъ въ душѣ, есть одно изъ необходимыхъ условий созданія слова. Но она еще не даетъ пониманія, потому-что можетъ во все не замѣчаться самимъ человѣкомъ, точно-такъ, какъ вообще ускользаетъ отъ самонаблюденія множество привычныхъ движеній тѣла. Въ созданіи слова должно повториться то, что происходитъ съ нами на высшихъ степеняхъ развитія: не въ уединеніи, а въ обществѣ мы привыкаемъ смотрѣть за собою; поэтическое произведеніе открываетъ намъ до того неизвѣстныя стороны нашей собственной души, а не сами-собою они намъ уясняются; вообще внѣшнее наблюденіе предшествуетъ внутреннему. Въ примѣненіи къ языку это будетъ значить, что слово только въ устахъ другого можетъ стать понятнымъ для говорящаго, что языкъ создается только совокупными усиліями многихъ, что общество предшествуетъ началу языка. „Языкъ, говорить Гумбольтъ, въ дѣйствительности развивается только въ обществѣ, и человѣкъ понимаетъ себя, только испытавши на другомъ понятность своихъ словъ“ ¹⁾.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что во время пониманія слова звукъ въ нашей мысли предшествуетъ своему значенію, тогда какъ при ассоціаціи, о которой мы выше говорили, совсѣмъ наоборотъ: образъ предмета предшествуетъ въ мысли образу звука. Какъ произойдетъ эта перестановка, нужная для пониманія? Что заставить человѣка сначала вспомнить свой звукъ, потомъ—объяснить его воспріятіемъ предмета?—Очевидно, что скорѣе всего самый этотъ звукъ, услышанный отъ другого. Представимъ себѣ, что первобытный человѣкъ, пораженный извѣстнымъ впечатлѣніемъ, издаетъ такой-то звукъ, что это повторилось нѣсколько разъ и произвело ассоціацію образа предмета и впечатлѣнія звука и что наконецъ при этомъ самый

¹⁾ Ueb. die Versch. 54.

предметъ потерялъ свой, такъ сказать, подавляющій мысль интересъ. Другой человекъ, подъ вліяніемъ такого-же впечатлѣнія отъ того-же предмета, произнесетъ такой-же звукъ. Это вполне вѣроятно, потому-что мы легко можемъ допустить такое сходство въ устройствѣ и мгновенномъ состояніи организмовъ, при которомъ звуки, въ коихъ отражаются одинаковыя чувства, представляютъ совершенно не-уловимыя различія, особенно для непривычнаго уха. Звукъ этотъ, воспринятый первымъ, возобновить въ его сознаниі прежде всего его собственный такой-же, потому-что новое воспріятіе имѣетъ наиболѣе общаго съ образомъ этого звука, а не съ какимъ-либо другимъ созданіемъ души. Мысль о звукѣ, безъ сомнѣнія, не пройдетъ безъ слѣда, и невольно повлечетъ за собою свое осуществленіе, произнесеніе звука, потому-что молчаніе есть *искусство* не давать представленію переходить въ движенія органовъ, съ которыми оно связано,—искусство, приобретаемое современнымъ человекомъ довольно поздно, и совсѣмъ незамѣтное въ дѣтяхъ. Слушающій повторитъ услышанный отъ другого звукъ; ему ощутительно представитъ его собственное созданіе и въ свою очередь вызоветъ бывшій въ душѣ, но теперь уже объясняющій звукъ, образъ предмета. Такъ совершится перестановка представленій, требуемая пониманіемъ. Слушающій понимаетъ не одинъ свой звукъ, а вмѣстѣ и чужой, на источникъ коего указываетъ ему зрѣніе; онъ видитъ говорящаго, и вмѣстѣ предметъ, на который указываетъ этотъ послѣдній. Стало-быть, при первомъ актѣ пониманія произойдетъ объясненіе не только звука, принадлежащаго понимающему, но, посредствомъ этого звука, и состоянія души говорящаго. Съ одной стороны здѣсь будетъ совершенно невольное сообщеніе мысли, съ другой столь-же невольное ея пониманіе.

Однако этимъ не можетъ окончиться развитіе слова въ понимающемъ. Образъ предмета былъ до-сихъ-поръ объясняющимъ, чѣмъ-то наиболѣе близкимъ къ самому лицу и наименѣе для него яснымъ. Наши душевныя состоянія уясняются намъ лишь по мѣрѣ того, какъ мы ихъ обнаруживаемъ, даемъ имъ какъ-бы самостоятельное существованіе, находя ихъ напр. въ другихъ или выражая въ словѣ. Навсегда темными остаются для насъ тѣ особенности нашей душевной жизни, которыхъ мы не выразимъ никакими средствами, и которыхъ не увидимъ ни въ комъ, кромѣ себя. Когда новое воспріятіе предмета вызоветъ въ томъ, кого мы до-сихъ-поръ представляли слушающимъ и понимающимъ, такое-же прежнее, когда это послѣднее выразится въ звукѣ, звукъ этотъ воспримется слушающимъ и

заставить его сдѣлать движеніе, понятное говорящему, напр. указать на предметъ; только тогда говорящій „извѣдаетъ на другомъ понятность своего слова“. Теперь онъ будетъ понимать себя, потому-что получить доказательства существованія въ другомъ того образа, который до-сихъ-поръ былъ его личнымъ достояніемъ. Средствомъ при этомъ, какъ и при пониманіи другаго, будетъ звукъ, обнаруживающій для говорящаго его собственную мысль. Представленіе предмета въ говорящемъ, звукъ и его дѣйствіе на слушающаго (т. е. указаніе на то, что въ послѣднемъ есть такой-же образъ предмета) теперь ассоціируются и образуютъ одинъ рядъ, который воспроизводится, какой-бы его членъ ни былъ данъ первымъ.

Итакъ образованіе слова есть весьма сложный процессъ. Прежде всего—простое отраженіе чувства въ звукъ, такое напр. какъ въ ребенкѣ, который подъ вліяніемъ боли невольно издаетъ звукъ *вава*. Затѣмъ—сознаніе звука; здѣсь кажется не необходимымъ, чтобы ребенокъ замѣтилъ, какое именно дѣйствіе произведетъ его звукъ; достаточно ему услышать свой звукъ *вава* отъ другаго, чтобы вспомнить сначала свой прежній звукъ, а потомъ уже—боль и причинившій ее предметъ. Наконецъ—сознаніе содержанія мысли въ звукъ, которое не можетъ обойтись безъ пониманія звука другими. Чтобы образовать слово изъ междометія *вава*, ребенокъ долженъ замѣтить, что мать, положимъ, услышавши этотъ звукъ, спѣшитъ удалить предметъ, причиняющій боль ¹⁾).

Какъ-бы неудовлетворительно ни было изложенное нами объясненіе созданія слова, во всякомъ случаѣ вѣрно то, что языкъ предполагаетъ такую степень развитія, которой непосредственно предшествуетъ патогномическій звукъ. Эту степень называютъ *ономатопеическою*, но не въ томъ смыслѣ, что на ней изображаются звуки внѣшней природы (далеко не всѣ слова, образованныя изъ междометій, суть звукоподражанія), а скорѣе въ томъ, что здѣсь впервые звуками изображаются мыслимыя явленія.

До-сихъ-поръ говоря объ томъ, какъ звукъ получаетъ значеніе, мы оставляли въ тѣни важную особенность слова сравнительно съ междометіемъ, особенность, которая рождается вмѣстѣ съ пониманіемъ, именно такъ-называемую *внутреннюю форму*. Не трудно

¹⁾ Cp. Steinthal. Zur Sprachphilosophie. Zeitschr. f. Philos. v. Fichte u. Ulrici. XXXII, 207—11. Steinthal. Ueber der Wandel der Laute u. des Begriffs. Zeitschr. f. Völkerpsychol. u. Sprachwissenschaft. I, 5, 420—22.

вывести изъ разбора словъ какого-бы ни было языка, что слово собственно выражаетъ не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только одинъ ея признакъ ¹⁾. Образъ стола можетъ имѣть много признаковъ, но слово *столъ* значить только простланное (корень—*стл*, тотъ-же, что въ глаголѣ *стлатъ*) и поэтому оно можетъ одинаково обозначать всякіе столы, независимо отъ ихъ формы, величины, матеріала. Подъ словомъ *окно* мы разумѣемъ обыкновенно раму со стеклами, тогда какъ, судя по сходству его со словомъ *око*, оно значить: то, куда смотреть, или куда проходить свѣтъ, и не заключаетъ въ себѣ никакого намека не только на раму и пр., но даже на понятіе отверстія. Въ словѣ есть, слѣдовательно, два содержанія: одно, которое мы выше называли объективнымъ, а теперь можемъ назвать ближайшимъ этимологическимъ значеніемъ слова, всегда заключаетъ въ себѣ только одинъ признакъ; другое—субъективное содержаніе, въ которомъ признаковъ можетъ быть множество. Первое есть знакъ, символъ, замѣняющій для насъ второе. Можно убѣдиться на опытѣ, что, произнося въ разговорѣ слово съ яснымъ этимологическимъ значеніемъ, мы обыкновенно не имѣемъ въ мысли ничего, кромѣ этого значенія: *облако*, положимъ, для насъ только „покрывающее“. Первое содержаніе слова есть та форма, въ которой нашему сознанію представляется содержаніе мысли. Поэтому, если исключить второе, субъективное и, какъ увидимъ сейчасъ, единственное содержаніе, то въ словѣ останется только звукъ, т. е. внѣшняя форма и этимологическое значеніе, которое тоже есть форма, но только внутренняя. Внутренняя форма слова есть отношеніе содержанія мысли къ сознанію; она показываетъ, какъ представляется человѣку его собственная мысль. Этимъ только можно объяснить, почему въ одномъ и томъ-же языкѣ можетъ быть много словъ для обозначенія одного и того-же предмета, и наоборотъ, одно слово совершенно согласно съ требованіями языка можетъ обозначать предметы разнородные. Такъ, мысль о тучѣ представлялась народу подъ формою одного изъ своихъ признаковъ, именно того, что она вбираетъ въ себя воду или изливаетъ ее изъ себя, откуда слово *туча* (корень *ту*, пить и лить). Поэтому польскій языкъ имѣлъ возможность тѣмъ-же словомъ *tesza* (гдѣ тотъ-же корень, только съ усиленіемъ): назвать радугу, которая, по народному представленію, вбираетъ въ себя воду изъ криницы. Приблизительно такъ обозначена радуга и въ словѣ

¹⁾ Ср. Humb. Ueb. die Versch. 97—8, 110.

Внутренняя форма слова есть

радуга (корень *дуг*, донть, т. е. пить и напоять, тотъ-же, что въ словѣ *дождь*); но въ малорусскомъ словѣ *веселка* она названа свѣтящеюся (корень *вас*, свѣтитъ, откуда *весна* и *веселый*), а еще нѣсколько иначе въ малорусскомъ-же *красна пані*.

Въ ряду словъ того-же корня, послѣдовательно вытекающихъ одно изъ другого, всякое предшествующее можетъ быть названо внутреннею формою послѣдующаго. Напр. слово *язвить*, принимаемое въ переносномъ смыслѣ, значить собственно наносить раны, язвы; въ сл. *язва* всѣ признаки раны обозначены, положимъ, болью; *язва*—то, что болитъ; боль въ неизвѣстномъ словѣ того-же корня названа жженіемъ; болить то, что горить, жжетъ (у Памвы Берынды слово *язва* объяснено словомъ *жженіе*). Допустимъ, что встрѣчаемый въ Санскритѣ корень всѣхъ этихъ словъ *indh*, *жечь*, *горѣть*, есть древнѣйшій, непредполагающій другого слова и прямо образованный изъ междометія: что будетъ внутреннею формою этого слова? Разумѣется то, что связываетъ значеніе (т. е. здѣсь—образъ горѣнія и горящаго предмета, заключающій въ себѣ въ зародышѣ множество признаковъ) со звукомъ. Связующимъ звеномъ можетъ здѣсь быть только чувство, сопровождающее воспріятіе огня и непосредственно отраженное въ звукѣ *indh*. Чувствомъ и звукомъ, взятыми вмѣстѣ (потому-что безъ звука не было-бы замѣчено и чувство) человѣкъ обозначалъ полученное извнѣ воспріятіе. Такъ какъ чувство мыслимо только въ отдѣльномъ лицѣ и вполнѣ субъективно, то мы принуждены и первое по времени собственное значеніе слова назвать субъективнымъ, тогда какъ выше собственное значеніе вообще, внутреннюю форму мы считали объективною стороною слова. Пониманіе, упрощеніе мысли, переложеніе ея, если такъ можно выразиться, на другой языкъ, проявленіе ея вовнѣ начинается, стало-быть, съ обозначенія ея тѣмъ, что само невыразимо, хотя и ближе всего къ человѣку. Роль чувства не ограничивается передачею движенія голосовымъ органамъ и созданіемъ звука: безъ вторичнаго его участія не было-бы возможно самое образованіе слова изъ созданнаго уже звука. Если покажется вѣрнымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ внутренняя форма ономато-поэтического слова есть чувство, то это самое нужно будетъ распространить и на всѣ остальные, хотя-бы при этомъ и встрѣтились нѣкоторые, впрочемъ легко устранимыя недоразумѣнія. Разумѣется съ принятой нами точки не слѣдуетъ считать ономато-поэтическими всѣхъ словъ, обыкновенно называемыхъ этимъ именемъ. Слова, какъ *быкъ* *бѣсъ*, имѣютъ уже внутреннею формою. не чувство, а одинъ изъ объек-

тивныхъ признаковъ обозначаемаго ими предмета: *бодъ* значить то, что издаетъ звукъ *бу*; но эти слова предполагають уже названіе самаго звука ¹⁾, въ которомъ связью между воспріятіемъ внѣшняго (нечлено-раздѣльнаго) звука и выраженіемъ его въ звукахъ члено-раздѣльныхъ, символомъ воспріятія для самой души будетъ чувство, испытываемое ею при воспріятіи. Символизмъ уже въ самыхъ начаткахъ человѣческой рѣчи отличаетъ ее отъ звуковъ животныхъ и отъ междометій.

Въ созданіи языка нѣтъ произвола, а потому умѣстенъ вопросъ, на какомъ основаніи извѣстное слово значить то именно, а не другое. Если спросимъ о словахъ позднѣйшихъ формаций, то отвѣтъ можетъ быть приблизительно такой: *старъ* (корень *ста*, *ръ*-суффиксы) значить старъ, а не молодъ, потому-что воспріятія старыхъ предметовъ представляли наиболѣе сходства съ воспріятіями, служившими содержаніемъ словъ отъ корня *ста*, стоять. Если пойдемъ дальше и спросимъ, отчего въ словахъ, признанныхъ первичными, извѣстный звукъ соотвѣтствуетъ тому, а не другому значенію, отчего корень *ста* значить стоять, а корни *ми*, *и* идти, а не наоборотъ, то и отвѣта нужно будетъ искать дальше, именно въ излѣдованіи патогномическихъ звуковъ, предшествующихъ слову. Потому звукъ *ста* изданъ человѣкомъ при видѣ стоящаго предмета, или, что на тоже выйдетъ, при желаніи, чтобъ предметъ остановился, что чувство, волновавшее душу, могло сообщить органамъ только то, а не другое движеніе. Далѣе спрашивать не будемъ: что-бы сказать, почему такое-то состояніе души требуетъ для своего обнаруженія одного этого изъ всѣхъ движеній, возможныхъ для организма, нужно знать, какой видъ имѣють движенія въ самой душѣ и какъ вяжутся они между собою. Кому употребляемая о душѣ выраженія, заимствованныя отъ движеній внѣшняго міра, кажутся метафорами, годными только за неимѣніемъ другихъ, кто утверждаетъ, что нѣтъ сходства между механическими движеніями, положимъ, зрительныхъ нервовъ и ощущеніемъ зрѣнія и сопровождающимъ его удовольствіемъ; для того такая задача неразрѣшима. Поэтому остается, отказавшись заполнять пробѣлы между механическими движеніями и состояніями души, которыя не могутъ быть названы такими движеніями, принять за фактъ соотвѣтствіе извѣстныхъ чувствъ извѣстнымъ звукамъ и ограничить задачу простымъ

¹⁾ Мы не говоримъ, будетъ-ли первичное слово для звука изображать его, какъ дѣйствіе, или какъ предметъ, потому-что при созданіи слова обѣ эти точки зрѣнія вовсе не существуютъ.

перечисленіемъ тѣхъ и другихъ. Рѣшеніе этой задачи могло-бы показать, гдѣ оканчивается сходство языковъ, доказывающее одноплеменность говорящихъ ими народовъ, и начинается то, которое доказываетъ только единство человѣческой природы вообще; но такое рѣшеніе встрѣчаетъ столько препятствій, что кажется почти неисполнимымъ. Во первыхъ, нужно возвести всѣ слова къ первой по времени внутренней и внѣшней формѣ; во вторыхъ, слѣдуетъ обозначить первую внутреннюю форму каждаго слова, при чемъ неизбежны большія неточности, потому-что, какъ напр. назвать разные оттѣнки удивленія, которые первоначально выразились въ звукахъ съ общимъ значеніемъ, положимъ, *видѣть, свѣтитъ?* Наконецъ въ третьихъ, слѣдуетъ опредѣлить свойства первобытныхъ звуковъ. Относительно послѣдняго можно замѣтить, что не совсѣмъ вѣрно искать соотвѣтствія чувствъ первобытнымъ звукамъ въ одной членораздѣльности послѣднихъ, независимо отъ ихъ тона, и утверждать подобно Гейзе ¹⁾, что *a*—общее выраженіе равномернаго (*gleichschwebend*), тихаго, яснаго чувства, спокойнаго наблюденія, но вмѣстѣ и глупаго изумленія (*gaffen, зѣвать*); *y*—стремленія субъекта удалить отъ себя предметъ, чувства противодѣйствія, страха и т. п., а *u*, наоборотъ—выраженіе желанія, любви, стремленія приблизить къ себѣ предметъ, ассимилировать его воспріятіе. Въ звукѣ междометія кромѣ членораздѣльности, замѣчаемъ не одну ноту и не простое повышение или пониженіе голоса, на которое можно-бы не обращать вниманія, а весьма сложныя сочетанія тоновъ, которыя такъ-же важны при опредѣленіи первоначальнаго значенія звуковъ, какъ и членораздѣльность.

Обыкновенно, спрашивая о причинахъ, по которымъ извѣстный звукъ имѣетъ въ словѣ такое-то значеніе, ищутъ вовсе не соотвѣтствія этого звука чувству сопровождающему воспріятіе, а сходства между звукомъ и воспріятіемъ, которое принимается за самый предметъ. Кому кажется яснымъ, почему звукоподражательныя слова, напр. *куковать, кукушка*, значать то, что они значать, тотъ и причины значенія незвукоподражательныхъ словъ долженъ искать въ сходствѣ ихъ звуковъ съ обозначаемыми предметами. Такой взглядъ встрѣчаемъ и у Гумбольта, который находитъ слѣдующія два основанія связи понятій (въ обширномъ смыслѣ этого

¹⁾ System der Sprachwissenschaft v. K. W. L. Heyse. Berl. 1856. 77—80.

слова) и звуковъ въ первичныхъ словахъ ¹⁾. 1) „Непосредственно звукоподражательное обозначеніе понятій. Здѣсь звукъ, издаваемый предметомъ, изображается на столько, на сколько нечленораздѣльный звукъ можетъ быть переданъ членораздѣльнымъ. Это какъ-бы живописное обозначеніе; подобно тому, какъ живописецъ изображаетъ предметъ, какъ онъ представляется глазу (т. е. даетъ только цвѣтное пространство извѣстныхъ очертаній, которое зритель дополняетъ самъ); такъ языкъ представляетъ предметъ, какъ онъ слышится уху“ (т. е. даетъ только звукъ, упуская всѣ остальные признаки). Во всякомъ случаѣ здѣсь звукъ самъ по себѣ имѣетъ нѣчто общее съ предметомъ. 2) „Обозначеніе, подражающее предмету не прямо, а въ чемъ-то третьемъ, общемъ звуку и предмету. Этотъ способъ можно назвать символическимъ, хотя понятіе символа въ языкѣ гораздо обширнѣе ²⁾. Здѣсь для обозначенія предмета избираются звуки частью *сами по себѣ*, частью по сравненію съ другими, производящіе на слухъ впечатлѣніе, подобное тому, какое самъ предметъ производитъ на душу; такъ звуки словъ *stehen*, *stätig*, *starr* производятъ впечатлѣніе чего-то прочнаго (*des Festen*), Санскритскій звукъ *hi*, таять, разливаясь, — жидкаго (*der zerfließenden*), звуки словъ *nicht*, *nagen*, *Neid* — чего-то будто сразу и гладко отрѣзаннаго“ (ср. наше „отказать — т. е. сказать нѣтъ — на отрѣзъ“). Такимъ путемъ предметы, производящіе сходныя впечатлѣнія, получаютъ слова съ преобладающими сходными звуками, какъ *wehen*, *Wind*, *Wolke*, *Wirren*, *Wunsch*, въ которыхъ звукомъ *W* выражается какое-то зыбкое, безпокойное, неясное для чувствъ движеніе (*durcheinander gehende Bewegung*, напр. волненіе облаковъ, которыя катятся одно за другимъ и одно черезъ другое). Обозначеніе, основанное на извѣстномъ значеніи отдѣльныхъ звуковъ и цѣлыхъ ихъ разрядовъ, господствовало, быть можетъ, исключительно, при первобытномъ созданіи словъ“ (*primitive Wortbezeichnung*) ³⁾. Изъ всего приведеннаго мѣста, какъ кажется, можно вывести, что не только первобытный человѣкъ, по мнѣнію Гумбольта, придавалъ звуку объективное значеніе и невольно ставилъ это послѣднее связью

¹⁾ То, что говоритъ Гумбольтъ о третьемъ способѣ обозначенія, по которому сходныя понятія получаютъ сходные звуки, сюда не относится, потому что при этомъ „не обращается вниманія на характеръ самихъ звуковъ“. Ueb. die Versch. 82.

²⁾ Потому что, какъ мы понимаемъ это мѣсто, значеніе во всякомъ словѣ обозначается символически.

³⁾ Ueb. die Versch. 80—81.

между звукомъ и предметомъ, но что и самъ Гумбольтъ раздѣляетъ этотъ взглядъ. Ему мало знать, что слова *stätig*, *starr* потому имѣютъ въ себѣ звуки *st*, что относятся къ корню *sta*: взятые отдѣльно отъ своего значенія въ словѣ, звуки эти имѣютъ для него характеръ постоянства, прочности, и уже потому очень приличны понятіямъ, обозначеннымъ упомянутыми словами. Отсюда вытекаетъ два вопроса: правъ-ли наблюдатель, имѣющій предъ собою уже созданное слово, если въ самомъ звукѣ этого слова находитъ указаніе на обозначаемый имъ предметъ; и если правъ, то могло-ли такое стремленіе искать въ звукѣ самостоятельнаго значенія быть одною изъ силъ, необходимыхъ для образованія слова?

Что касается до перваго, то прежде всего слѣдуетъ признать за фактъ, что во всѣхъ людяхъ болѣе или менѣе есть наклонность находить общее между впечатлѣніями различныхъ чувствъ. Вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ существованія такой общечеловѣческой наклонности можетъ служить языкъ, но разумѣется только для того, кто считаетъ всѣ фигурныя выраженія (а въ языкѣ, сказать между прочимъ, нѣтъ непереносныхъ выраженій) не за роскошь и прихоть, а за существенную необходимость мысли. Въ славянскихъ языкахъ, какъ и во многихъ другихъ, вполнѣ обыкновенны сближенія воспріятій зрѣнія, осязанія и вкуса, зрѣнія и слуха. Мы говоримъ о жгучихъ вкусахъ, рѣзкихъ звукахъ; въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются сравненія свѣта и громкаго, *яснаго* звука. Вѣроятно, тайное вліяніе языка навело слѣпорожденнаго на мысль, что красный цвѣтъ, о которомъ ему говорили, долженъ быть похожъ на звукъ трубы. Но и независимо отъ языка возможны подобныя сближенія. „Мы сравниваемъ, говорятъ Лоце, низкій тонъ съ темнотою, а высокій—со свѣтомъ, въ ряду гласныхъ мы видимъ сходство съ гаммою цвѣтовъ, а цвѣта для иной впечатлительной чувственности повторяютъ свойства вкусовъ. Конечно, большое различіе какъ тѣлесной организаціи, такъ и душевныхъ свойствъ различныхъ недѣлимыхъ дѣлаетъ невозможнымъ общее согласіе во всемъ этомъ; если, быть можетъ, еще для всякаго *a* относится къ *y*, какъ черный цвѣтъ къ цѣлому, то не всякому *e* представляется похожимъ на желтый, *u*—на красный, *o*—на голубой цвѣтъ; точно такъ не всякій узнаетъ въ красномъ цвѣтѣ—ароматическую сладость, въ голубомъ водянистую кислоту, въ желтомъ металлическій вкусъ. Мы можемъ также согласиться, что, и для cadaго порознь сходства, замѣчаемыя между различными ощущеніями, основываются не на сравненіи непосредственнаго ихъ содержанія, а на ощущеніи

(Gewahrwerden) болѣе слабого и скрытаго сходства потрясеній, какія испытываетъ отъ нихъ общее чувство. Но всѣ эти уступки не измѣняютъ значенія подобнаго взгляда на чувственные воспріятія для человѣческаго развитія. Довольно, что въ каждомъ чловѣкѣ есть стремленіе къ такимъ сравненіямъ; достигаются-ли этимъ результаты убѣдительные для всѣхъ, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ для самаго сравнивающаго міръ, воспринимаемый его чувствами, превращается въ игру явленій, въ которой отдѣльные образы указываютъ другъ на друга и на идеальное содержаніе, коему всѣ они служатъ выраженіями, лишь на столько различными по формѣ, что фантазія можетъ почувствовать единство ихъ происхожденія. Пусть мы ошибаемся въ этихъ сравненіяхъ, принимая сходство нашего страданія отъ впечатлѣнія за сродство собственнаго содержанія этихъ послѣднихъ; но все же слѣдуетъ помнить, что на такой ошибкѣ основана вся чувственность; повсюду она видитъ въ формахъ нашего внутренняго возбужденія природу внѣшнихъ для насъ предметовъ. Призраченъ-ли этотъ взглядъ, или нѣтъ, но онъ есть одна изъ естественныхъ стихій нашей чувственности и имѣетъ неизмѣримое вліяніе на все наше міросозерцаніе“ ¹⁾.

Мы можемъ примѣнить это къ языку и сказать, что вполнѣ законно видѣть сходство между извѣстнымъ членораздѣльнымъ звукомъ и видимымъ или осязаемымъ предметомъ, но должны замѣтить, что не слыхали ни объ одномъ изъ подобныхъ сравненій, которое бы имѣло сколько-нибудь научный характеръ: они, какъ кажется, могутъ быть необходимы и убѣдительны только для самого сравнивающаго. Указанная Гумбольтомъ опасность впасть въ произволъ при объясненіи символизма звуковъ, и не прійти къ результатамъ, имѣющимъ сколько-нибудь объективное значеніе, происходитъ между прочимъ отъ того, что нѣтъ возможности не пропустить ступеней, соединяющихъ предметъ со звукомъ. Очень шатки будутъ наши сравненія равномѣрнаго тяготѣнія часовой гири съ круговращеніями стрѣлокъ, если мы упустимъ изъ виду, что тяжесть гири не непосредственно движетъ стрѣлку, а посредствомъ многихъ зубчатыхъ колесъ, передающихъ другъ другу и измѣняющихъ сообщенное ею движеніе. Во сколько-же разъ шатче будутъ наши сравненія звука и предмета, какъ воспріятій души, природа коей никогда не уяснится намъ до такой степени, какъ устройство механизма?

¹⁾ Lotze, Mikrokosm. II, 179—181.

Впрочемъ допустимъ, что многіе совершенно согласно оцѣни-
 ваютъ значеніе звука въ словахъ позднѣйшихъ формаций, подобныхъ
 тѣмъ, какія Гейзе приводитъ въ примѣръ символическаго обозначе-
 нія (напр. klar, hell, trübe, dunkel, dumpf, spitz, mild и пр. ¹⁾). Такое
 согласіе въ „одухотвореніи“ звука фантазіею можетъ происходить
 отъ того, что каждый находится при этомъ подъ вліяніемъ дѣйстви-
 тельнаго значенія этихъ звуковъ, и судилъ-бы иначе, если-бы тѣ-
 же звуки имѣли другое значеніе. У насъ, въ примѣръ того, какъ
 языкъ для предметовъ и качествъ грубыхъ бралъ и грубые звуки,
 приводили когда-то между прочимъ слово *суровый*. Разумѣется,
 напирали особенно на *p*, отчего слово выходило дѣйствительно
 живописное, но забывали или не знали, что тоже *p* въ словахъ
 того-же корня *сырой*, *сыръ* никому не кажется суровымъ, что са-
 мое слово *суровый*, по всей вѣроятности, значило прежде жидкій
 и тогда не представляло никакого символизма звуковъ ²⁾. Судя по
 такимъ примѣрамъ, можно думать, что звукъ осмысливается не сразу;
 только по мѣрѣ того, какъ онъ сживается съ извѣстнымъ значеніемъ
 слова, человѣкъ открываетъ въ немъ необходимость его соединенія
 съ такою, а не другою мыслью. Точно такъ человѣкъ полагаетъ,
 что нужно дѣлать все, что потруднѣе, правою, а не лѣвою рукою,
 потому-что давно уже бессознательно исполняетъ это правило. Все
 это заставляеть усомниться въ вѣрности мнѣнія, что непосредствен-
 ное сходство звука съ чувственнымъ образомъ предмета есть сред-
 ство соединенія представленій звука и предмета, предшествующее
 всякому другому, болѣе раннее, чѣмъ ассоціація этихъ представле-
 ній ³⁾. Кажется, что символизмъ звука застаеть готовымъ не только
 звукъ, но и слово съ его внутреннею формою, и для самаго обра-
 зованія слова былъ не нуженъ. Онъ могъ быть причиною преобра-
 зованія звуковъ въ готовыхъ уже словахъ. Такъ обозначеніе мно-
 жества и собирательности въ арабскомъ языкѣ посредствомъ вставки

¹⁾ System der Sprachwiss. 95.

²⁾ Обыкновенно символическое значеніе звука совпадаетъ не со
 внутреннею формою, а съ тѣмъ значеніемъ слова, которое мы назы-
 вали субъективнымъ. Такъ напр. внутренняя форма слова *милый*—
 вѣроятно представленіе мягкости (оно одного корня съ *молоть*), а сим-
 волическое значеніе звука въ *милый*—это ощущеніе сходное съ
 тѣмъ, какое возбуждается въ насъ милымъ предметомъ. Иначе и
 не можетъ осмыслиться звукъ въ словахъ, въ которыхъ забыта внут-
 ренняя форма; но если эта форма помнится, то значеніе звука мож-
 етъ быть сходно и съ нею.

³⁾ Lazarus, Das Leb. der Seele, II 99—101.

длинной гласной, обозначеніе прошедшаго времени и длительности посредством удвоенія въ языкахъ индоевропейскихъ ¹⁾, могли произойти подъ вліяніемъ того-же чутья, которое заставляетъ протягивать гласную въ прилагательномъ (напр. хорошій), если имъ хотять выразить высокую степень качества.

VIII. Слово, какъ средство апперцепціи.

При созданіи слова, а равно и въ процесѣ рѣчи и пониманія, происходящемъ по однимъ законамъ съ созданіемъ, полученное уже впечатлѣніе подвергается новымъ измѣненіямъ, какъ-бы вторично воспринимается, т. е. однимъ словомъ, апперципируется. Прежде чѣмъ перейти къ психологическому значенію слова, остановимся на значеніи апперцепціи вообще, и начнемъ съ указанія на рядъ ея примѣровъ въ девятой и десятой главахъ 1-й части Мертвыхъ Душъ.

Дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, находя, что покупка Чичиковымъ мертвыхъ душъ выдумана только для прикрытія, и что дѣло въ томъ, что Чичиковъ хочетъ увести губернаторскую дочку, по своему апперципируетъ, т. е. объясняетъ, понимаетъ представленія Чичикова и мертвыхъ душъ. Когда одна изъ дамъ находитъ, что губернаторская дочка манерна нестерпимо, что невидано еще женщины, въ которой бы было столько жеманства, что румянецъ на ней въ палець толщиной и отваливается, какъ штукатурка кусками; когда другая полагаетъ, напротивъ, что губернаторская дочка—статуя и блѣдна, какъ смерть: то обѣ онѣ различно апперципируютъ воспріятія, полученные ими въ одно время и первоначально весьма сходныя. Точно такъ, когда инспектору врачебной управы, по поводу Чичикова и мертвыхъ душъ, приходятъ на мысль болельные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ, предсѣдателю казенной палаты—неправильно совершенная купчая, и каждому изъ служащихъ лицъ города N—свои служебные грѣхи; когда, наконецъ, почтмейстеръ, не столько подверженный искушеніямъ со стороны просителей, и поэтому сохраняющій душевное равновѣсіе, необходимое для эстетическаго взгляда на предметъ по тому же поводу разражается исторіею о капитанѣ Копейкинѣ, то все это образцы различной апперцепціи приблизительно того-же воспріятія. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ примѣрахъ сразу можно

¹⁾ Ueb. die Versch. 83.

различить двѣ стихіи апперцепціи: съ одной стороны воспринимаемое и объясняемое, съ другой ту совокупность мыслей и чувствъ, которой подчиняется первое, и посредствомъ коей оно объясняется. Свойство постоянныхъ отношеній между этими стихіями можетъ показать, въ чемъ сущность апперцепціи вообще, и какой роли въ душевной жизни можетъ ожидать отъ слова.

Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ примѣровъ можно замѣтить отождествленіе объясняемаго и объясняющаго. Напр. послѣ того, какъ Чичиковъ признанъ за губернаторскаго чиновника, присланнаго на слѣдствіе, или въ то время, какъ почтмейстеръ, задавши вопросъ, кто такой Чичиковъ, восклицаетъ: „это господа, сударь мой, никто другой, какъ капитанъ Копейкинъ!“—представленія Чичикова и губернаторскаго чиновника, Чичикова и Копейкина слились и до поры уже не различаются душою. Но не въ сліяніи воспріятій или представленій заключается апперцепція: во первыхъ, потому что объясненіе одной мысли другою въ этихъ примѣрахъ предшествуетъ ихъ сліянію, и слѣдовательно отлично отъ него, заключаетъ его въ себѣ, какъ подчиненный моментъ; во вторыхъ, потому что сліяніе возможно безъ апперцепціи. Такъ привычный видъ окружающихъ насъ предметовъ не вызываетъ насъ на объясненіе, не приводитъ въ движеніе нашей мысли, вовсе нами не замѣчается, а непосредственно сливается съ прежними нашими воспріятіями этихъ предметовъ. Если бы дама, которая везла къ другой только что услышанную новость, занята была приведеніемъ въ порядокъ своихъ мыслей, то она, какъ это часто съ нами случается, смотрѣла бы на знакомые ряды домовъ, и не замѣчала-бы ихъ, видѣла-бы передъ собою лошадей, и не обратила бы вниманія скоро или медленно онѣ бѣгутъ, потому что новыя впечатлѣнія, воспринимаемая душою, безпрепятственно сливались бы съ прежними. Но рассказъ о новости былъ уже готовъ или, быть можетъ, дама не считала нужнымъ къ нему приготовляться и просто чувствовала непреодолимое побужденіе скорѣе сообщить его. Мысль о томъ, какой эффектъ произведетъ ея новость, требовала осуществленія (точно такъ, какъ мысль о пищѣ въ томъ, кому хочется ѣсть, требуетъ сліянія съ новыми однородными съ нею воспріятіями), но новыя воспріятія не мирились съ этою мыслью, и въ препятствіяхъ, какія находили бывшія въ душѣ воспріятія къ сліянію со входившими въ нее вновь, заключалась причина, почему эти послѣднія апперцепцировались, почему дама выразила свое неудовольствіе на то, что богачѣйшая тянулась нестерпимо долго, и назвала ее проклятымъ строеніемъ, а

кучеру сказала, что онъ несносно долго ѣдетъ. Такимъ образомъ рядъ извѣстныхъ намъ предметовъ a' , b' , c' , которые исподоволь представляются нашему зрѣнію, до тѣхъ поръ могутъ не замѣчаться, пока безпрепятственно сливаются съ прежними представлениями a , b , c ; если вмѣсто ожидаемаго представления d появится не соотвѣтствующій ему предметъ d' , а неизвѣстный намъ x , то воспріятіе этого послѣдняго встрѣтитъ препятствіе къ сліянію съ прежнимъ и можетъ апперципироваться. Мы можемъ сказать въ такомъ случаѣ: „а! это новый домъ“ и т. п.

Однако очевидно, что и не въ препятствіи къ сліянію заключается апперцепція. Хотя въполнѣ обыкновенны случаи апперцепціи, состоящіе только въ одномъ признаніи наличныхъ препятствій къ сліянію двухъ актовъ мысли, случаи, которые могутъ быть выражены общемою формулою: это (воспріятіе, требующее объясненія) не то (то-есть не тождественно съ тѣмъ, что мы ожидали) или a не есть b ; но столь же часты и такіе случаи, когда препятствіе предшествуетъ объясненію и устраняется этимъ послѣднимъ. Такъ въ извѣстномъ сравненіи положенія чиновниковъ города NN, ошеломленныхъ слухами о мертвыхъ душахъ и проч., съ положеніемъ школьника, которому сонному товарищи засунули въ носъ гусара: „онъ пробуждается, всакиваетъ.... и не можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ“, т. е. не можетъ апперципировать новыхъ воспріятій, потому что душа его во время сна занята была другимъ, и массы мыслей, которыя должны быть объясняющими, не могутъ воротиться въ сознаніе съ такою быстротою, съ какою душа поражается новыми впечатлѣніями. „Потомъ уже различаетъ онъ озаренныя косвеннымъ лучемъ солнца стѣны“.... и проч., „и уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ“. Въ чиновникахъ за такимъ одурѣніемъ слѣдуютъ вопросы („что за притча мертвыя души?“ и проч.), которые, выражая и здѣсь, какъ и во всѣхъ случаяхъ, требованіе отчета, т. е. апперцепціи и сами по себѣ суть уже, впрочемъ неполныя апперцепціи воспріятій въ словѣ. Спрашивая: „это что такое?“ и не имѣя въ мысли ни малѣйшаго указанія на отвѣтъ, мы тѣмъ не менѣе, судя по употребленнымъ нами словамъ, уже апперципируемъ впечатлѣніе какъ предметъ (это что), имѣющій извѣстныя качества (такое). Препятствіе къ сліянію такъ мало составляетъ сущность апперцепціи, что напротивъ самая совершенная апперцепція та, которая не встрѣчаетъ препятствій, т. е. напирмѣръ, мы лучше всего понимаемъ ту книгу, которая нами легко читается.

Взявши во вниманіе разнообразіе и неосновательность толковъ, возбужденныхъ слухомъ о мертвыхъ душахъ, скорѣе всего можно подумать, что апперцепція состоитъ въ видоизмѣненіи апперципируемаго. Это будетъ довольно близко къ истинѣ; но слѣдуетъ помнить, что результатомъ апперцепціи можетъ быть не только заблужденіе, напр. что Чичиковъ есть капитанъ Копѣйкинъ или Наполеонъ, или что Наполеонъ есть антихристъ, но и истина. Кто вѣрно объясняетъ фактъ, тотъ его не переиначиваетъ, и если Донъ-Кихоть, подъ вліяніемъ своей восторженной натуры и рыцарскихъ романовъ, апперципируетъ крылья вѣтряныхъ мельницъ, какъ мечи гигантовъ, а стадо овецъ—какъ непріятельское войско, то его оруженосецъ, вслѣдствіе такого же процесса, видитъ только мельницы и барановъ. Самые простыя и самые несомнѣнные для насъ истины, которыя повидимому прямо даются чувствами, на дѣлѣ могутъ быть слѣдствіемъ сложнаго процесса апперцепціи. Апперципируемое можетъ быть не совокупностью признаковъ, какъ Чичиковъ, губернаторская дочка, и не словомъ (то и другое возможно только при нѣкоторомъ душевномъ развитіи), а простѣйшимъ чувственнымъ воспріятіемъ, или одновременно-даннымъ, почти нераздѣлимымъ рядомъ такихъ воспріятій; точно такъ апперципирующее можетъ быть не сложнымъ душевнымъ явленіемъ (какъ въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ—чувство, какое дамы питаютъ къ губернаторской дочкѣ, заставляющее приписывать ей свойства, противоположныя понятію дамъ о красотѣ), а однимъ какимъ-нибудь несложнымъ (по своимъ условіямъ) чувствомъ или немногими актами познавательной способности. Апперцепція—вездѣ, гдѣ данное воспріятіе дополняется и объясняется наличнымъ, хотя бы самымъ незначительнымъ запасомъ другихъ. Ребенокъ напр. только посредствомъ апперцепціи узнаетъ, что у него болитъ именно рука. Такое знаніе предполагаетъ уже въ душѣ образъ руки, какъ предмета въ пространствѣ; но этого еще мало: глядя на руку, я еще не знаю, что она именно болитъ, потому что зрѣніе одинаково безстрастно изображаетъ и больное и здоровое мѣсто. Также недостаточно одного чувства боли, потому что изъ него одного никакъ не выведемъ знанія, что болитъ рука. Непремѣнно нужно, чтобы ощущеніе боли, имѣющее определенное мѣсто независимо отъ нашего знанія объ этомъ, измѣнялось отъ прикосновенія къ больному мѣсту, чтобы къ этимъ впечатлѣніямъ осознанія присоединилось измѣненіе образа больного члена, сообщаемое зрѣніемъ. Это послѣднее измѣненіе произойдетъ непремѣнно,

Ранъ
слож
95

потому что нельзя видѣть того мѣста напр. руки, которое ощупывается пальцами, или же и вся рука отъ прикосновенія къ болѣному мѣсту невольно перемѣнить положеніе. Такимъ образомъ знать, что болитъ рука, значить признавать свой членъ, въ которомъ боль, за одинъ и тотъ же съ тѣмъ, который доставляетъ такіа-то впечатлѣнія зрѣнія и осязанія. Ощущеніе боли здѣсь узнается снова и повѣряется, дополняется, объясняется, однимъ словомъ—апперцепируется ощущеніями осязанія и зрѣнія ¹⁾).

И такъ апперцепція не всегда можетъ быть названа измѣненіемъ объясняемаго; но если это послѣднее имѣетъ мѣсто, то не должно считаться существеннымъ признакомъ апперцепціи, потому что есть всегда слѣдствіе сліянія, которое само несущественно. Поэтому удобнѣе опредѣлить апперцепцію болѣе общимъ выраженіемъ: она есть участіе извѣстныхъ массъ представленій въ образованіи новыхъ мыслей ²⁾. Послѣднее имѣетъ существенное значеніе, потому что всегда результатомъ взаимодѣйствія двухъ стихій апперцепціи является нѣчто новое, несходное ни съ одною изъ нихъ. Это опредѣленіе должно быть дополнено, потому что не показываетъ, какія именно массы мыслей должны быть объясняющими.

Въ душѣ бываетъ нѣсколько группъ, изъ коихъ каждая, по видимому, равно могла бы апперцепцировать данное воспріятіе, а между тѣмъ въ одномъ случаѣ, по поводу одного и того же, приходитъ въ сознаніе одна, въ другомъ—другая. Нельзя сказать напр., чтобы въ душѣ ученика не было ничего, съ чѣмъ бы могло внутреннимъ образомъ соединиться содержаніе латинскаго или греческаго классика, чтобы содержаніе это было для него недоступно, а между тѣмъ опытъ доказываетъ, что оно совершенно ускользаетъ отъ вниманія, т. е. не апперцепцируется при затрудненіяхъ въ формахъ, при чтеніи съ грамматическою цѣлью. Можно углубляться въ формальные и лексическіе отгѣнки языка, запоминать при этомъ по частямъ, напр. цѣлыя народныя пѣсни, но, имѣя въ памяти всѣ данныя, не замѣчать общаго содержанія. Можно, какъ въ баснѣ, за козявками слона не примѣтить. Легко предположить причину такого явленія въ измѣняющейся отъ разныхъ обстоятельствъ силѣ апперцепцирующихъ массъ. Чѣмъ болѣе я приготовленъ къ чтенію извѣстной книги, къ слушанію извѣстной рѣчи, чѣмъ сильнѣе стало-быть

¹⁾ Cp. Waitz, Lehrbuch der Psychol. 189.

²⁾ Объ апперцепціи см. Steinthal, zur Sprachphilos. Zeitschr. f. Philos. v. Fichte etc. XXXII, 74—7.

апперципирующие ряды, тѣмъ легче произойдетъ пониманіе и усво-
еніе, тѣмъ быстрѣе совершится апперцепція. Однако чтеніе, требу-
ющее извѣстной сосредоточенности будетъ для меня бесполезно, если
оно чѣмъ нибудь прерывается, или если сажусь за чтеніе подъ влі-
яніемъ постороннихъ впечатлѣній, ослабляющихъ дѣйствіе тѣхъ мы-
слей, которыми должно объясняться то, что я читаю. Еслибъ по-
купка мертвыхъ душъ не была для чиновниковъ города NN дѣломъ,
неслыханнымъ, то и недоумѣніе ихъ, при слухѣ о такой „негоціи“
Чичикова было-бы невозможно, и вопросы „что за притча эти мерт-
вые души?“ означающіе, что воспріятіе ищетъ, но не находитъ
апперцепціи, не имѣли бы мѣста.

„Апперцепція есть участіе сильнѣйшихъ представленій въ
созданій новыхъ мыслей“; но въ чемъ именно состоитъ эта сила,
условливающая большую или меньшую легкость вліянія представ-
леній на новыя или возобновленныя въ сознаніи воспріятія? Такой
вопросъ и предшествующее ему опредѣленіе предполагаетъ выве-
денное изъ опыта убѣжденіе, что, выражаясь метафорически, все
находящееся въ душѣ расположено не на одномъ планѣ, но или
выдвинуто впередъ, или остается вдали. Если бы въ извѣстное
мгновеніе данное воспріятіе могло быть въ одинаковыхъ отношеніяхъ
ко всѣмъ рядамъ представленій (которые слѣдуетъ разсматривать
какъ отдѣльныя, но не лишенныя взаимной связи единицы), то оно
вдругъ апперципировалось бы всѣми этими рядами и, быть-можетъ,
мысль наша разомъ обняла бы нѣсколько различныхъ результатовъ
апперцепціи. Тоже было бы, если бы нѣсколько воспріятій, ничѣмъ
не связанныхъ между собою и не составляющихъ для насъ одного
цѣлаго, одновременно апперципировались одною массою представ-
леній. Но на дѣлѣ не такъ: одна изъ дамъ, напр., во время раз-
говора съ другою увѣрена только въ томъ, что румяны обвалива-
ются съ губернаторской дочки, какъ штукатурка; другое заключеніе,
въ эту минуту для нея невозможно, и, наоборотъ, другое заключеніе,
къ которому она могла бы прійти при другихъ обстоятельствахъ,
непремѣнно исключило бы это. Вообще, въ каждое мгновеніе жиз-
ни все, что есть въ душѣ, распадается на двѣ неравныя области;
одну обширную, которая намъ неизвѣстна, но не утрачена для насъ,
потому что многое изъ нея приходитъ намъ на мысль безъ новыхъ
воспріятій извнѣ; другую—извѣстную намъ, находящуюся въ созна-
ніи, очень ограниченную сравнительно съ первою. Сознаніе—явле-
ніе, совершенно отличное отъ самосознанія (которое добывается че-
ловѣкомъ поздно, тогда какъ сознаніе есть всегдашнее свойство его

душевной жизни), опредѣляютъ какъ совокупность актовъ мысли, дѣйствительно совершающихся въ данное мгновеніе ¹⁾. Это опредѣленіе предполагаетъ, что все въ душѣ внѣ сознанія не есть дѣйствительная мысль (представленіе въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова), а только стремленіе къ ней (*ein Streben vorzustellen*); что то мѣняется въ самой мысли въ то время, какъ она входитъ въ сознаніе ²⁾; но что именно—врядъ ли можно будетъ когда-либо сказать, потому что для опредѣленія разницы между двумя явленіями

1) Hebbart's sämmtl. Werke V, 1, 18; „de Gesammtheit alles gleichzeitigen wirklichen Vorstellens“.

2) Само-собою, что какъ здѣсь, такъ вообще въ психологій, слова, указывающія на пространственныя отношенія явленій, имѣютъ только символическое значеніе. Сознаніе не есть сцена, на которую всходятъ представленія и гдѣ за тѣнотою не могутъ многія вдругъ помѣститься; безсознательность не есть пространство за кулисами, куда удаляются представленія, вытѣсняемая со сцены. Сознаніе не есть также свѣтъ, то озаряющій по неизвѣстнымъ причинамъ тѣ или другія представленія, то оставляющій ихъ во мракѣ; но есть внутреннее око, столь же отличное отъ того, на что обращено, какъ глазъ нашъ—отъ предмета, на который смотритъ. Сознаніе—не посторонняя для представленій сила, а ихъ собственное состояніе.

Случается, когда мы заняты чѣмъ-нибудь слышать бой часовъ, не обратитъ вниманія на число ударовъ и, однако, послѣ вѣрно вспомнить это число; не дослышавъ слова, мы просимъ говорившаго повторить, но до его отвѣта уже успѣли дополнить недослышанное, и не нуждаемся въ повтореніи. Эти и имъ подобныя явленія могутъ навести на мысль, что безсознательныя впечатлѣнія, содержаніе коихъ хотя и есть въ душѣ, но столь же намъ чуждо, какъ и не дѣйствующіе на насъ предметы внѣшняго міра, предшествуютъ сознательнымъ воспріятіямъ, что сознаніе относится къ безсознательности, какъ дѣйствіе къ страданію. Но въ приведенныхъ примѣрахъ впечатлѣнія находятся въ сознаніи съ перваго раза: звуки недослышаннаго слова схвачены нами, но неполны; бой часовъ—тоже, но какъ сумма испытанныхъ нами потрясеній, а не какъ число ударовъ, по которому мы узнаемъ время. Апперцепція, объясненіе и дополненіе слѣдуютъ здѣсь за перцепціею, но и эта послѣдняя есть уже дѣятельность души, есть уже сознаніе. Какъ физическій атомъ уже дѣйствуетъ въ то время, какъ получаетъ потрясеніе извнѣ, и страданіе его есть уже воздѣйствіе; такъ и извѣстное состояніе души мы можемъ назвать страдательнымъ впечатлѣніемъ, если имѣемъ въ виду его внѣшнія причины; но должны считать живымъ воздѣйствіемъ, если вспомнимъ, что та же причина въ другой натурѣ вызвала бы другое состояніе. Такимъ образомъ въ сознаніи и въ безсознательности мы можемъ видѣть и дѣятельность и страданіе, и это, конечно, не говорить намъ, что они такое сами по себѣ.

нужно знать оба, а знаемъ мы только мысль, перешедшую въ сознание, сложившую съ себя тѣ свойства, какія она имѣла въ безсознательномъ состояніи. Однако, устраняя вопросъ о томъ, что была данная мысль до своего появленія въ сознаниі, мы можемъ въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ, искать причины тому, что она чаще другихъ появляется въ сознаниі и легче другихъ апперципируетъ новыя воспріятія.

Степень вліянія однихъ мыслей на другія можетъ, повидимому, зависѣть или отъ силы сопровождающаго ихъ чувства, или отъ ихъ ясности. Разсмотримъ порознь эти условія. Во первыхъ, получаемыя извнѣ чувственныя воспріятія имѣютъ безъ сомнѣнія различныя степени силы, потому что ни одно изъ нихъ не изображаетъ вполне безразлично своего содержанія, но каждое чувствуется нами какъ большее или меньшее потрясеніе нашего существа, соразмѣрное интенсивности этого содержанія. Громкій звукъ и яркій свѣтъ не только даютъ намъ большее содержаніе, чѣмъ тихій звукъ и слабое мерцаніе, но и воспріятіе первыхъ дѣйствуетъ на насъ сильнѣе, чѣмъ воспріятія послѣднихъ. Такимъ образомъ можно сравнивать не только однородныя, но и разнородныя ощущенія (напр. чувство, испытываемое при сильномъ звукѣ, слабѣе того, которое сопровождается воспріятіемъ слабого свѣта). Очень вѣроятно, что въ душѣ еще впервые подверженной дѣйствию внѣшнихъ вліяній, не управляемой воспоминаніемъ прежнихъ впечатлѣній, — болѣе сильныя ощущенія будутъ вытѣснять слабѣйшія. Какъ взоръ невольно устремляется на самыя свѣтлыя точки извѣстной поверхности, такъ и вниманіе поглощается ими въ ущербъ болѣе темнымъ. Отсюда можно заключить, что если бы и въ воспоминаніи чувство, сопровождавшее впечатлѣнія, сохраняло свою силу, то воспоминаніе сильнѣйшее въ этомъ смыслѣ апперципировало бы новыя воспріятія легче, чѣмъ слабѣйшее. Но, говоритъ Лоце, „въ душѣ, воспитанной опытомъ, встрѣчаемъ уже болѣе сложныя явленія. Легкій шорохъ можетъ отвлечь наше вниманіе отъ громкаго шума и вообще вліянія воспоминаемыхъ воспріятій на направленіе нашей мысли не соразмѣрно силѣ ихъ чувственного содержанія. Степень интереса, который они получаютъ въ нашихъ глазахъ съ теченіемъ жизни, зависитъ уже не отъ нихъ самихъ, а отъ цѣны, какую они имѣютъ для насъ, какъ предзнаменованія другихъ явленій, или указанія на нихъ“. Воспоминаніе, вѣрно передавая качество и интенсивность содержанія прежнихъ впечатлѣній, не повторяетъ въ то же время потрясеній, которыя мы отъ нихъ испытывали, а если и повторяетъ, то

развѣ такъ, что къ воспроизведенному образу содержанія присоеди-
няютъ другой образъ возбужденнаго имъ прежде чувства. Раскаты
грома въ воспоминаніи, какъ бы ясно ни передавало оно ихъ свой-
ства и силу, не болѣе насъ потрясаютъ, чѣмъ равно ясное воспо-
минаніе самаго слабаго звука; быть можетъ, при этомъ мы воспо-
минаемъ о сильномъ потрясеніи, причиненномъ намъ громкимъ зву-
комъ, но самое это воспоминаніе дѣйствуетъ на насъ не сильнѣе
воспоминанія о слабомъ потрясеніи. Мы помнимъ различный вѣсъ
двухъ предметовъ, но воспоминаніе о большой тяжести одного не
тяжеле для насъ воспоминанія о меньшей тяжести другого ¹⁾“.

Примѣры эти хороши, однако не могутъ убѣдить въ томъ, въ
чемъ бы должно; рядомъ съ ними слѣдуетъ поставить другіе, дока-
зывающіе совершенно противное. Бываетъ достаточно самаго незна-
чительнаго обстоятельства, чтобы пробудить воспоминаніе о потерѣ
любимаго человѣка и неразлучную съ этимъ печаль. Легкость вос-
поминанія въ этомъ случаѣ мы ставимъ въ зависимость отъ важ-
ности потери и силы принесеннаго ею чувства, и какъ кажется, не
ошибаемся: потеря напр. перчатки скоро забывается, потому что не
велика сила произведеннаго этимъ неудовольствія. Пословица „пу-
ганая ворона и куста боится“ въ переводѣ на болѣе отвлеченный
языкъ значить, что чѣмъ сильнѣе первоначальный испугъ, тѣмъ
скорѣе мысль объ опасности апперципируетъ новыя воспріятія. Такъ
въ Мертвыхъ Душахъ и тотъ, кто счелъ Чичикова за губернатор-
скаго чиновника, и почтмейстеръ, нѣкоторое время принимавшій его
за Копейкина,—оба вѣроятно видали на вѣку ревизіи, но вспо-
нили ихъ, по поводу Чичикова, только первый между прочимъ по-
тому, что имѣлъ причины ихъ бояться. По этому можно принять
силу первоначальнаго чувства за обстоятельство, обусловливающее
степень вліянія связанной съ нимъ мысли на другія, но слѣдуетъ
сдѣлать оговорку, что это вліяніе чувства можетъ въ свою очередь
поддерживаться или разрушаться отношеніями, въ какія стало сое-
диненное съ нимъ содержаніе къ другимъ. Время между горестнымъ
для насъ событіемъ и данною минутою можетъ быть различно за-
полнено: при однихъ условіяхъ это событіе продолжаетъ возвра-
щаться въ сознаніе и бросать тѣнь на текущую жизнь, а при дру-
гихъ и сопровождавшее его чувство, и само оно забылось, потому
что мысль получила другое направленіе. Если были психическія
средства спасти разутокъ того, кто помѣшался на неудачно по-

¹⁾ Lotze, Mikrokosm. I, 222—4.

ставленной картѣ, то они состояли въ томъ, чтобы разрознить мысли о поразившемъ его событіи, привести ихъ въ болѣе благопріятныя отношенія къ другимъ, и удалить отъ сознанія. Такимъ образомъ сила чувства, какъ причина силы апперцепирующихъ массъ, указываетъ на другую причину, именно—на болѣе или менѣе тѣсную связь между стихіями этихъ массъ.

2 Во вторыхъ, относительно ясности представлений, намъ кажется вполне убѣдительнымъ слѣдующее мнѣніе Лопе: „полагаютъ обыкновенно, что одно и тоже содержаніе можетъ быть представлено съ безконечно-различными степенями ясности, что, только проходя эти степени и постепенно затемняясь, представление исчезаетъ изъ сознанія. Но это—описаніе событія, котораго никто никогда не наблюдалъ, потому что вниманіе, съ какимъ мы наблюдаемъ, сдѣлало бы самое это событіе невозможнымъ. Уже впослѣдствіи, замѣтивъ, что извѣстнаго представленія нѣкоторое время не было въ сознаніи, мы отвѣчаемъ себѣ на вопросъ, какъ оно исчезло, этою догадкою о постепенномъ угасаніи, о которомъ дѣйствительное наблюдение не говоритъ намъ ровно ничего. Если припомнимъ внутреннее состояніе, въ какомъ мы находились, когда извѣстное сильно возбужденное представленіе значительное время было въ нашемъ сознаніи, и затѣмъ, повидимому, исподоволь утрачивалось, то найдемъ, что оно не постепенно затемнялось, а съ рѣзкими перерывами—то появлялось въ сознаніи, то исчезало. Новое впечатлѣніе, содержаніе коего было какъ нибудь связано съ прежнимъ, мгновенно снова приводило его на память; другое впечатлѣніе, поражающее своею новостью, опять его вытѣсняло. Это прежнее представленіе похоже было на плывущее тѣло, которое то мгновенно поглощается волнами, то столь же быстро поднимается. То, что мы называемъ постепеннымъ затемнѣніемъ—частью возрастающіе промежутки между появленіями представленія, частью другая особенность, о которой ниже“.

„Если раздѣлимъ представленія на простыя чувственные воспріятія и на сложные изъ нихъ образы, то не въ состояніи будемъ сказать, въ чемъ состоитъ различіе силы первыхъ, если не въ различіи содержанія. Звукъ одной и той же высоты и силы, того же инструмента, мы не можемъ себѣ представить болѣе или менѣе ясно; мы или представляемъ его, или не представляемъ или наконецъ ошибаемся въ своихъ предположеніяхъ, принимая представленіе болѣе сильнаго или слабаго, слѣдовательно другаго звука, за болѣе сильное и слабое представленіе одного и того же. Точно

такъ одного и того же оттѣнка цвѣта при одномъ освѣщеніи мы не можемъ представить съ большею или меньшею ясностью; но, конечно, если этотъ оттѣнокъ указанъ намъ словомъ или описаніемъ, мы можемъ колебаться въ выборѣ между воспоминаніями нѣсколькихъ сродныхъ цвѣтовъ, не зная, какой именно изъ нихъ нуженъ. Тогда объясняемъ мы такое состояніе тѣмъ, что у насъ есть представленіе, но только не ясное, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ мы его не имѣемъ и только выискиваемъ изъ нѣсколькихъ, вмѣстѣ съ числомъ коихъ растетъ наша неувѣренность и мнимая неясность представленія“.

Еще невѣроятнѣе, чтобы сложные образы исподоволь блѣднѣли, удерживая всѣ свои черты; напротивъ, они затемняются только разлагаясь и разрушаясь.

Въ воспоминаніи забываются извѣстныя, менѣ замѣченныя части видѣннаго предмета и ихъ связь съ другими; при попыткѣ возстановить въ памяти этотъ образъ, мы въ недоумѣніи колеблемся между различными возможностями заполнить происшедшіе такимъ путемъ пробѣлы, и связать частности, еще ясно представляемыя нами порознь. Такимъ образомъ появляется мнимая неясность представленийъ, которая увеличивается въ прямомъ отношеніи къ обширности поля, предоставленнаго нашей дополняющей фантазіи. Напротивъ, вполнѣ ясны представленія, коихъ части мыслимы всѣ и притомъ съ полною опредѣленностью взаимныхъ отношеній, и эта ясность сама по себѣ не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться. Нерѣдко намъ кажется, что можетъ увеличиться интенсивность представленія, содержаніе коего давно намъ вполнѣ извѣстно, но на дѣлѣ въ такихъ случаяхъ пополняется самое это содержаніе. Какъ затемняется оно отъ пробѣловъ, уменьшающихъ его, такъ, по видимому, уясняется, если, сверхъ его самого, входятъ въ сочиненіе еще разнообразныя отношенія, со всѣхъ сторонъ связывающія его съ другимъ содержаніемъ. Нельзя болѣе или менѣ представлять кругъ или треугольникъ: мы или имѣемъ ихъ вѣрный образъ или не имѣемъ; тѣмъ не менѣ они становятся яснѣе, когда съ увеличеніемъ нашихъ геометрическихъ познаній, вмѣстѣ съ этими фигурами припоминаются и ихъ многочисленныя и важныя отношенія. Въ этомъ смыслѣ мы допускаемъ различіе въ степеняхъ ясности. Поэтому то, что прежде живо намъ представлялось, становится для насъ менѣ яснымъ тогда, когда, почему бы ни было, перестаетъ приходить намъ на память все то, съ чѣмъ было связано въ минуты своей наибольшей живости, на связи съ чѣмъ въ сознаніи

ясность представлений
 основана была самая эта живость ¹⁾. „Ясность представлений (и степень ихъ вліянія на другія) состоитъ не въ большей или меньшей интенсивности нашего знанія, а въ экстенсивной полнотѣ ихъ содержанія, въ измѣнчивомъ богатствѣ постороннихъ стихій, соединенныхъ съ этимъ содержаніемъ“.

Нельзя не согласиться и съ точки зрѣнія послѣдователей Гербарта, что распадѣніе самая очевидная для насъ причина помраченія сложныхъ представлений, и наоборотъ, ихъ полнота и обширность связей съ другими—причина не только ихъ ясности, но и большого или меньшаго вліянія на другія. Столь же несомнѣнно, что постепенное ослабленіе въ воспоминаніи простаго чувственного воспріятія, подобное затиханію звука и ослабленію цвѣта, не есть фактъ, сообщаемый намъ самонаблюденіемъ. Ослабѣвшій звукъ той же высоты есть для насъ уже другое представленіе. Но не ошибаемся ли мы въ этомъ, слѣдуетъ ли, согласно съ Дробининымъ, принять ослабленіе интенсивности представленія, какъ дѣятельности души, независимое отъ измѣненія самаго ихъ содержанія, или же отвергнуть его вмѣстѣ съ Лоце—это для насъ менѣе важно. Довольно, что сила вліянія представлений на другія соразмѣрна ихъ ясности въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ Лоце.

Здѣсь къ опредѣленію апперценціи, какъ участія сильнѣйшихъ массъ въ образованіи новыхъ мыслей, можемъ уже прибавить, что сила апперципирующихъ массъ тождественна съ ихъ организованностью. Отъ степени этой послѣдней зависитъ и большая широта сознанія, ограниченность коего мы приняли за исходное положеніе при опредѣленіи силы объясняющихъ мыслей.

Безъмысленно
 Говоря о предѣлахъ сознанія, кстати замѣтимъ два случая.
 1) При непосредственномъ воспріятіи чувственныхъ впечатлѣній сознаніе ограничено только свойствами виѣшнихъ возбужденій и самихъ органовъ. Мы не воспринимаемъ въ одно время нѣсколькихъ вкусовъ или запаховъ не потому, что различныя впечатлѣнія смѣшиваются въ душѣ, а потому, что душа получаетъ уже извѣстны, такъ сказать, одинъ ихъ итогъ. Но посредствомъ зрѣнія мы получаемъ, разомъ и не смѣшивая, впечатлѣнія столькихъ цвѣтныхъ точекъ, сколько ихъ заключается въ пространствѣ, какое отразилось въ зрачкѣ, почти тоже посредствомъ осязанія. Въ одно мгновеніе отъ всѣхъ чувствъ разомъ мы можемъ получать многія впечатлѣнія, которыя всѣ могутъ находиться въ сознаніи, потому что хотя мы не

¹⁾ Lotze, Mirk. I, 224—227.

въ состояніи дать себѣ въ нихъ отчета въ самое время воспріятія, но можемъ ихъ припомнить впослѣдствіи.

2) Ограниченность сознанія, независимая отъ внѣшнихъ причинъ, гораздо яснѣе обнаруживается при воспоминаніи уже воспріятого. „Кажется, говоритъ Лотце, будто только напоръ впечатлѣній внѣшняго міра насильно расширяетъ сознаніе, и что, предоставленное самому себѣ, оно такъ суживается, что, повидимому, представляетъ разнообразное не одновременнымъ, а только послѣдовательнымъ во времени¹⁾“. Въ такомъ видѣ фактъ не представляетъ сомнѣнія, но при ближайшемъ его разсмотрѣніи мнѣнія расходятся. Лотце полагаетъ, что „хотя было бы очень трудно рѣшить непосредственнымъ наблюденіемъ, точно ли могутъ нѣсколько представлений въ одно время находиться въ сознаніи, или же это только призракъ, происходящій отъ быстроты ихъ смѣны; но фактъ, что вообще мы можемъ сравнивать, заставляетъ насъ принять возможность одновременности. Кто сравниваетъ, тотъ не переходитъ только отъ мысли объ одномъ изъ членовъ сравненія къ мысли о другомъ; чтобы совершить сравненіе, онъ долженъ совмѣстить въ одномъ недѣлимомъ сознаніи оба эти члена, и вмѣстѣ—форму своего перехода отъ одного къ другому. Когда хотимъ сообщить другому извѣстное сравненіе, то свойствами языка мы принуждены произносить одно за другимъ имена двухъ членовъ сравненія и обозначеніе отношенія между ними. Въ этомъ причина заблужденія, будто и въ самомъ сообщаемомъ сравненіи есть такая послѣдовательность; но, произнося одно за другимъ, мы разсчитываемъ на то, что въ сознаніи слушающаго наша рѣчь произведетъ не три раздѣльныя представленія, а одно представленіе отношенія между двумя другими. Хотя мы привыкли и безмолвному теченію нашей мысли придавать форму рѣчи, но очевидно и здѣсь послѣдовательность во времени, въ какой вяжутся между собой слова для нашихъ представлений, есть только изображеніе отношеній, уже прежде замѣченныхъ нами между ихъ содержаніями; эта привычка ко внутренней рѣчи собственно замедляетъ ходъ мысли, разлагая въ послѣдовательный рядъ то, что первоначально было одновременнымъ“.

Эти дѣйствія познанія, ручаясь намъ за одновременность многихъ представлений, вмѣстѣ съ этимъ указываютъ на ея условія. Сознаніе не имѣетъ мѣста только для безсвязной множественности; оно не тѣсно для разнообразія, члены коего раздѣлены для насъ

¹⁾ Lotze, ib.

извѣстными отношеніями, приведены въ порядокъ и связаны. Намъ не удастся представить разомъ два впечатлѣнія безъ взаимнаго ихъ отношенія; сознанию нужно представленіе своего пути отъ одного къ другому; ему легче, при помощи этого представленія перехода, охватить большее множество, чѣмъ меньшее—безъ него. Поэтому способность сознанія обнимать многое усовершенствована. Одновременные звуки музыки всякому представляются такими, но врядъ ли ихъ вспомнить тотъ, для кого они были безсвязнымъ множествомъ; музыкально же образованному уху они съ перваго разу представляются обильнымъ отношеніями цѣлымъ, коего внутренняя организація приготовлена предшествующимъ теченіемъ мелодіи. Всякій пространственный образъ прочіе удерживается въ памяти, если мы въ состояніи разложить его наглядное впечатлѣніе въ описаніе. Говоря, что извѣстная часть зданія покоится на другой, поддерживается третьей, склоняется подъ такимъ то угломъ къ четвертой, мы прежде всего увеличиваемъ число представлений, которыя намъ слѣдуетъ удерживать въ памяти; но въ такомъ словесномъ выраженіи посредствомъ предложеній, одновременность частей превращается въ рядъ ихъ взаимодействій, которыя явственнѣе ихъ связываютъ, чѣмъ нераздѣльный чувственный образъ. Чѣмъ выше развитіе духа, чѣмъ тоньше отношенія, которыми онъ связываетъ между собою отдѣльныя мысли, тѣмъ болѣе расширяется сознаніе даже для такихъ представлений, которыя связаны между собою уже не пространствомъ или временемъ, а внутреннею зависимостью“¹⁾.

Лопе основывается во всемъ этомъ на вѣрной мысли, что одна смѣна представлений въ сознаніи, какъ бы она ни была быстра, не въ состояніи объяснить возможности схватить ихъ отношенія. Если въ то время, какъ въ сознаніи есть *a*, въ немъ совсѣмъ не можетъ находиться *b*, то, во-первыхъ, кромѣ внѣшнихъ возбужденій, не будетъ никакихъ основаній для перехода отъ *a* къ *b*, во-вторыхъ отношеніе $a=b$ состояться не можетъ. Но онъ представилъ одну только сторону явленія, тогда какъ въ немъ двѣ, повидимому исключаютъ другъ друга. Чтобы понимать конецъ книги, въ которой послѣдующее вытекаетъ изъ предъидущаго, мы должны совмѣстить въ сознаніи все предшествующее; а между тѣмъ не трудно замѣтить, что по мѣрѣ, какъ при чтеніи мы подвигаемся впередъ, все прочтенное ускользаетъ изъ нашего сознанія. Геометрическая теорема внѣ связи съ предъидущимъ не имѣетъ для насъ смысла, а между

¹⁾ Lotze, Mikrok. I, 232—3.

тѣмъ никто не скажетъ, чтобъ, понимая ее, онъ въ то же время представлялъ себѣ всѣ предшествующія. Даже больше: въ сознаниі не отразится какъ одновременный пространственный образъ самый немногосложный рядъ заключеній, направленныхъ къ извѣстному намъ выводу, и это есть свойство не языка, безъ котораго въ подобныхъ случаяхъ обойтись трудно, но возможно. Хотя сознание и не совмѣщаетъ въ себѣ одновременно не только многихъ, но даже двухъ членовъ сравненія, но членъ сравненія, находящійся внѣ его предѣловъ, обнаруживаетъ замѣтное вліяніе на тотъ, который въ сознаниі. Въ ту минуту, какъ произносимъ послѣднее слово предложения, мы мыслимъ непосредственно только содержаніе этого слова; однако это содержаніе указываетъ намъ на то, къ чему оно относится, изъ чего оно вытекло, т. е. прежде всего—на другія, предшествующія слова того же предложения, потомъ—на смыслъ періода, главы, книги. Легче всего намъ припомнить, почему было сказано только-что произнесенное слово; нѣсколько болѣе напряженія требуетъ попытка найти его мѣсто въ цѣломъ ряду мыслей, напр. нужно перечестъ періодъ, чтобы понять, что значить встрѣченное подъ конецъ его мѣстоименіе и т. д. Можно понимать это такъ, что хотя нѣтъ степеней ясности представленій, находящихся въ сознаниі, но за „порогомъ сознаниа“ одни представленія имѣютъ болѣе замѣтное вліяніе на сознаваемое, другія меньше; первыя легче возвращаются въ сознание, вторыя—труднѣе¹⁾, и наконецъ то, что ничѣмъ не связано съ мыслью, занимающею насъ въ эту минуту, вовсе не можетъ прийти на умъ въ слѣдующую, если внѣшнія впечатлѣнія не прервутъ теченія мысли и не дадутъ ему новаго направленія. Каждый членъ мыслимаго ряда представленій вмѣстѣ съ собою вноситъ въ сознание результатъ всѣхъ предшествующихъ, и тѣмъ многозначительнѣе для насъ этотъ результатъ, чѣмъ многостороннѣе связи между предшествующими членами. Такъ общій выводъ разсужденія или опредѣленіе обсуживаемаго предмета, которое должно въ немногихъ, полновѣсныхъ словахъ повторить намъ все предшествующее, достигнеть своей цѣли, будетъ понятно только тогда, когда это предшествующее уже организовано нашею мыслию; иначе—опредѣленіе будетъ имѣть только ближайшій грамматическій смыслъ.

¹⁾ Штейнталь (Assimil. und Attraction. Zeitsch. f. Völkerpsych. B. I, 107—117) называетъ состояніе представленій несознаваемыхъ, но готовыхъ перейти въ сознание, дрожаніемъ (Schwingende Vorstellungen).

И такъ, примемъ ли мы вмѣстѣ съ Лоце, что сознание обнимаетъ рядъ мыслей, какъ нѣчто одновременное, подобно глазу, который разомъ видитъ множество цвѣтныхъ точекъ, или же—что сознание только переходитъ отъ одной мысли къ другой, но непонятнымъ образомъ видоизмѣняетъ эту послѣднюю и совмѣщаетъ въ ней все предшествующее: во всякомъ случаѣ расширеніе его, какъ-бы ни понимать это слово, зависитъ отъ той же причины, отъ которой и сила апперцепирующихъ массъ, именно отъ близости отношеній между стихіями этихъ массъ и отъ количества самыхъ стихій.

Основные законы образованія рядовъ представленій—это ассоціація и слияніе. Ассоціація состоитъ въ томъ, что разнородныя воспріятія, данныя одновременно, или одно вслѣдъ за другимъ, не уничтожаютъ взаимно своей самостоятельности, подобно двумъ химически сроднымъ тѣламъ, образующимъ изъ себя третье, а, оставаясь сами-собою, слагаются въ одно цѣлое. Два цвѣта, данныя вмѣстѣ нѣсколько разъ, не смѣшиваясь между собою, могутъ соединяться такъ, что мы одного представить себѣ не можемъ, не представляя другого. Слияніе, какъ показываетъ самое слово, происходитъ тогда, когда два различныя представленія принимаются сознаниемъ за одно и то же, напр. когда намъ кажется, что мы видимъ знакомый уже предметъ, между тѣмъ, какъ передъ нами совсѣмъ другой. Новое воспріятіе, сливаясь съ прежнимъ, непременно или вводитъ его въ сознание или, по крайней мѣрѣ, приводитъ въ непонятное для насъ состояніе, которое назовемъ движениемъ; но такъ какъ это прежнее воспріятіе было дано вмѣстѣ, или вообще находилось въ извѣстной связи съ другими, то входятъ въ сознание и эти другія. Такъ посредствомъ слиянія образуется связь между такими представленіями, которыя первоначально не были соединены ни одновременностью, ни послѣдовательностью своего появленія въ душѣ. Вмѣстѣ съ такимъ сродствомъ, вызывающимъ въ сознание нѣкоторыя изъ прежнихъ представленій, дано средство удалять другія: если новое воспріятіе *В* имѣетъ наиболѣе общихъ точекъ не съ *Б*, которое въ эту минуту находится въ сознаніи, а съ однимъ изъ прежнихъ воспріятій именно съ *А*, то *Б* будетъ вытѣснено изъ мысли, посредствомъ привлекаемаго въ нее *А*. *А* и *Б* находятся въ связи, первое съ *Г*, *Д*, *Е*, второе съ *Ж*, *З*, *И*—и могутъ считаться началами рядовъ, которые черезъ нихъ и сами входятъ въ сознание; мысль, слѣдуя тому направленію, началомъ коему служить *А*, устраняетъ другое направленіе *Б*, но сродство *В* съ *А*, а не съ *Б* не есть разъ навсегда опредѣлимая неизмѣнная величина:

оно измѣнчиво, какъ чувство, сопровождающее и измѣняющее колоритъ воспріятія, и въ свою очередь зависимое отъ неуловимыхъ перемѣнъ въ содержаніи этого послѣдняго.

Не останавливаясь на темныхъ сторонахъ этихъ простѣйшихъ душевныхъ явленій, ограничимся несомнѣннымъ положеніемъ, что въ апперцепціи воспринимаемое вновь и объясняемое должно извѣстнымъ образомъ соприкасаться съ объясняющимъ, безъ чего будетъ невозможенъ результатъ, составляющій пріобрѣтеніе души, въ которой происходитъ пониманіе. Говоря или только чувствуя, что мы, положимъ, издали узнали своего знакомаго по росту, по походкѣ, по платью, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что между новымъ апперципируемымъ образомъ этого знакомаго и прежними апперципирующими есть общія черты—именно: ростъ, походка, платье. Эти общія черты можно назвать средствомъ апперцепціи, потому что безъ нихъ не было бы никакого объясненія воспріятія. Нѣсколько примѣровъ апперцепціи съ довольно замѣтною этою третьею стихіею можно найти въ разсужденіяхъ по поводу списка душъ, накупленныхъ Чичиковымъ: „Максимъ Телятниковъ, сапожникъ. Хе, сапожникъ! Пьянъ, какъ сапожникъ, говоритъ пословица“, и за тѣмъ типическая исторія конкуренціи русскаго сапожника съ нѣмцемъ, которою объясняется представленіе Телятникова. Средствомъ при этомъ служить частью то, что объясняемая фамилія намекаетъ на опоекъ, частью данное велѣдъ за нею представленіе сапожника. При имени Попова, двороваго человѣка, вспоминается бесѣда безпашпортнаго съ капитаномъ-исправникомъ и инвалидами, и странствованія изъ тюрьмы въ тюрьму; средствомъ апперцепціи здѣсь можетъ быть фамилія, нѣсколько указывающая на грамотность, а вѣрнѣе—представленія двороваго человѣка и бѣглаго. Процессъ пониманія не перемѣнится, если на мѣсто объясняющихъ разсказовъ, такихъ-же конкретныхъ и индивидуальныхъ, какъ объясняемое, и только указывающихъ на общіе признаки извѣстнаго круга явленій, поставимъ отвлеченное, общее понятіе. Всѣ обобщенія, какъ напр. „это—столъ“, „столъ есть мебель“, основаны на сравненіи двухъ мысленныхъ единицъ различнаго объема, сравненій, которое предполагаетъ, что нѣкоторое количество признаковъ обобщаемаго частнаго остается и въ общемъ. Не труднѣе найти средство апперцепціи въ собственныхъ сравненіяхъ, если они сразу намъ понятны: „мѣрская молва—морская волна“, потому-что и молва и волна непостоянны; „желтый цвѣтъ—женскій привѣтъ“: какъ цвѣтъ отцвѣтеть, привѣтъ

пропадетъ“ и т. п. Третье, общее между двумя членами сравненія (*tertium comparationis*), есть и средство апперцепціи ¹⁾.

Въ народной поэзіи много сравненій, которыя кажутся только повтореніемъ того самаго, что въ простѣйшемъ видѣ происходитъ при обыкновенномъ обозначеніи воспріятія однимъ словомъ. Такъ напр. рядомъ съ сравненіемъ жизни больного или несчастнаго чело-вѣка съ медленнымъ и пасмурнымъ горѣніемъ (въ выраженіи „не горить, а тлѣетъ“) можно поставить областное *модѣть*, о дровахъ: тлѣть, худогорѣть; о чело-вѣкѣ: хирѣть, болѣть. Предположимъ, что второе значеніе появилось позже перваго. Сначала это второе значеніе существовало въ душѣ, хотя быть можетъ въ теченіе самаго неуловимаго мгновенія, только какъ воспріятіе, которое такъ отно-сится къ своему позднѣйшему виду, какъ содержаніе сознанія чело-вѣка, разбужденнаго новыми впечатлѣніями и еще безсильнаго дать себѣ отчетъ въ томъ, что его окружаетъ, и тѣми же впечатлѣніями уже покоренными и переработанными мыслію. Чело-вѣкъ еще не зналъ, что ему дѣлать съ поразившимъ его воспріятіемъ болѣзни; потомъ *объяснилъ* себѣ это воспріятіе, т. е. апперцепировалъ его уже сложеными въ одно цѣлое воспріятіями огня. Между болѣзью и огнемъ было для него нѣчто общее (иначе не было бы аппер-цепціи), и это общее выразилось словомъ *модѣть*, которое тѣмъ самымъ стало средствомъ апперцепціи. Быть посредникомъ между двумя столь разнородными группами воспріятій, какъ огонь и бо-лѣзь, слово можетъ только потому, что его собственное содержа-ніе, его внутренняя форма обнимаетъ не всѣ признаки горѣнія, а только одинъ изъ нихъ, встрѣчаемый и въ болѣзни. Разумѣется, что внутренняя форма словъ служитъ третью общею между двумя сравниваемыми величинами и тогда, когда апперцепируемое, обозна-чаемое словомъ, однородно съ апперцепирующимъ, т. е. когда напр. слову *модѣть* придавалось не новое ему значеніе болѣзненнаго со-стоянія, а называлось имъ новое, во многомъ отличное отъ преж-нихъ, воспріятіе горѣнія.

Слово, взятое въ цѣломъ, какъ совокупность внутренней фор-мы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящаго, аппер-цептировать содержаніе его мысли. Члено-раздѣльный звукъ издава-емый говорящимъ, воспринимаясь слушающимъ, пробуждаетъ въ немъ воспоминаніе его собственныхъ такихъ же звуковъ, а это вос-

¹⁾ Steinthal, Zur Sprachphilos. Zeitschr. f. Philos. v. Fichte etc. XXXII, 93—5.

поминаніе посредствомъ внутренней формы вызываетъ въ сознаніе мысль о самомъ предметѣ. Очевидно, что если бы звукъ говорящаго не воспроизвелъ воспоминанія объ одномъ изъ звуковъ, бывшихъ уже въ сознаніи слушающаго, и принадлежащихъ ему самому, то и пониманіе было бы невозможно. Но для такого воспроизведенія нужно не полное, а только частное сліяніе новаго воспріятія съ прежнимъ. При единствѣ человѣческой природы нѣкоторое различіе въ рефлексивныхъ звукахъ, издаваемыхъ разными недѣлимыми, не могло мѣшать созданію слова, точно такъ, какъ и теперь разнообразныя оттѣнки въ произношеніи отдѣльнаго слова, переданнаго намъ прежними вѣками, не мѣшаютъ пониманію. Такъ какъ чувство вообще обусловливается совокупностью личныхъ свойствъ человѣка, то и различіе внутренней формы ономато-поэтического слова должно быть признано *аргіогі*; но и оно, подобно разнообразію звуковъ, не переходя извѣстныхъ предѣловъ, не обнаруживаясь замѣтнымъ образомъ въ разницѣ звуковъ, не существуетъ для сознанія и не мѣшаетъ пониманію. Такъ и на послѣдующихъ степеняхъ развитія языка: мы понимаемъ сказанное другимъ слово *сильный*, т. е. признаемъ тождество внутренней формы этого слова въ насъ самихъ и въ говорящемъ, потому что и мы, обыкновенно безсознательно, относимъ его къ слову *сила*.

Что касается до самаго субъективнаго содержанія мысли говорящаго и мысли понимающаго, то эти содержанія до такой степени различны, что хотя это различіе обыкновенно замѣчается только при явныхъ недоразумѣніяхъ (напр. въ сказкѣ о набитомъ дуракѣ¹⁾, гдѣ дуракъ придаетъ общій смыслъ совѣтамъ матери, которые годятся только для частныхъ случаевъ), но легко можетъ-быть сознано и при такъ называемомъ полномъ пониманіи. Мысли говорящаго и понимающаго сходятся между собою только въ словѣ. Графически это можно бы выразить двумя треугольниками, въ которыхъ углы В, А, С и Д, А, Е, имѣющіе общую вершину А и образуемые пересѣченіемъ двухъ линій В, Е и С, Д, необходимо равны другъ другу, но все остальное можетъ быть бесконечно разнообразно. Говоря словами Гумбольта, „никто не думаетъ при извѣстномъ словѣ именно того, что другой“, и это будетъ понятно, если сообразимъ, что даже тогда, когда непониманіе повидимому невозможно, когда

¹⁾ Аван. Нар. Р. Ск. II, 17. Мать совѣтуетъ дураку говорить тѣмъ, которые несутъ мертвого: „канунъ да ладонь“, а дуракъ такимъ образомъ привѣтствуетъ и свадьбу.

напр. оба собесѣдника видятъ передъ собою предметъ, о которомъ рѣчь, что даже тогда каждый въ буквальномъ смыслѣ смотритъ на предметъ съ своей точки зрѣнія, и видитъ его своими глазами. Полученное этимъ путемъ различіе въ чувственныхъ образахъ предмета зависящее отъ вѣдѣнныхъ условий (различія точекъ зрѣнія и устройства организма) увеличивается въ сильнѣйшей степени отъ того, что новый образъ въ каждой душѣ заставитъ другое сочетаніе прежнихъ воспріятій, другія чувства, и въ каждой образуетъ другія комбинаціи ¹⁾. Поэтому всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ—вмѣстѣ несогласіе ²⁾.

„Сообщеніе мысли“ есть реченіе, которое всякій, если не сдѣлаетъ нѣкотораго усилія надъ собою, пойметъ не въ переносномъ, а въ собственномъ смыслѣ. Кажется, будто мысль въ рѣчи переходитъ вполне или отчасти къ слушающему, хотя отъ этого не убавляется умственной собственности говорящаго, какъ пламя горящей свѣчи не уменьшится отъ того, что она, повидимому, дѣлится имъ съ сотней другихъ. Но какъ въ дѣйствительности пламя свѣчи не дробится, потому что въ каждой изъ зажигаемыхъ свѣчей воспламеняются свои газы, такъ и рѣчь только возбуждаетъ умственную дѣятельность понимающаго, который, понимая, мыслитъ своею собственною мыслию. „Люди, говоритъ Гумбольтъ, понимаютъ другъ друга не такимъ образомъ, что дѣйствительно передаютъ одинъ другому знаки предметовъ“ (въ родѣ тѣхъ, посредствомъ коихъ велись бесѣды въ нѣмомъ царствѣ, которое было посѣщено Гулливеромъ) „и не тѣмъ, что взаимно заставляють себя производить одно и то же понятіе, а тѣмъ, что затрогивають другъ въ другѣ тоже звено цѣпи чувственныхъ представленій и понятій, прикасаются къ тому же клавишу своего духовнаго инструмента, вслѣдствіе чего въ каждомъ возстають соотвѣтствующія, но не тѣ же понятія ³⁾“.

Человѣкъ невольно и безсознательно создаетъ себѣ орудія пониманія, именно членораздѣльный звукъ и его внутреннюю форму, на первый взглядъ непостижимо простыя сравнительно съ важностью того, что посредствомъ ихъ достигается. Правда, что содержаніе, воспринимаемое посредствомъ слова, есть только мнимонизвѣстная величина, что думать при словѣ именно то, что другой, значило бы

¹⁾ Въ малорусской сказкѣ про Ивана Голика одинъ изъ двухъ братьевъ хочетъ изъ трехъ дубовъ срубить комору, а другой изъ тѣхъ же деревъ сдѣлать висѣлицу.

²⁾ Humb. Ueb. die Versch. 66.

³⁾ Humb. Ueb. die Versch. 201—2. Сравни также ib. 208—10.

перестать быть собою и быть этимъ другимъ, что поэтому пониманіе другаго, въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно берется это слово, есть такая же иллюзія, какъ та, будто мы видимъ, осязаемъ и проч. самые предметы, а не свои впечатлѣнія; но нужно прибавить, это величественная иллюзія, на которой строится вся наша внутренняя жизнь. Чужая душа дѣйствительно для насъ потемки, но много значить уже одно то, что, при пониманіи, къ движенію нашихъ собственныхъ представлений примѣшивается мысль, что мыслимое нами содержаніе принадлежитъ вмѣстѣ и другому. Въ словѣ человекъ находитъ новый для себя міръ, не ви́шній и чуждый его душѣ, а уже переработанный и ассимилированный душою другаго, „открываетъ существо съ такими же потребностями, и потому способное раздѣлять чувствуемыя имъ темныя стремленія ¹⁾“. Къ возбужденіямъ мысли, какія уединенный человекъ получаетъ отъ ви́шней природы, въ обществѣ присоединяется новое, ближайшимъ образомъ среднее съ его собственною природою, именно слово. Несомнѣнно, что келейная работа мысли есть явленіе позднѣйшее, предполагающее въ душѣ значительный запасъ опытности; она и теперь была бы невозможна безъ развитія письменности, замѣняющей бесѣду. Безъ книгъ и безъ людей едва ли кто и теперь былъ бы способенъ къ сколько-нибудь продолжительнымъ и плодотворнымъ усиліямъ ума; безъ размѣна словъ человекъ, при всевозможныхъ ви́шнихъ возбужденіяхъ нравственно засыпаетъ, „не горитъ, а тлѣетъ“, какъ пасмурно и печально тлѣющая головня. Если, на оборотъ, въ спорахъ и вообще въ одушевленномъ разговорѣ, рѣчь течетъ свободно и приобретаетъ стилистическія достоинства, незамѣтныя при уединенной мысли, которая есть та же рѣчь, но только сокровенная; то это зависитъ отъ внутреннихъ достоинствъ мысли, вызываемыхъ словомъ, отъ совершенствъ апперцепціи, отъ порождаемаго словомъ убѣжденія, что сказанное нами будетъ понято и заслужитъ сочувствіе.

Здѣсь можно ожидать вопроса, что именно даетъ слову силу производить пониманіе, и почему слово въ этомъ отношеніи незамѣнимо ни какимъ другимъ средствомъ? Въ душѣ животнаго и человека и безъ слова существуютъ прочныя ассоціаціи прежнихъ воспріятій, мгновенно вызываемыя въ сознаніе новыми впечатлѣніями, подобными прежнимъ, и возвратомъ своимъ производящія извѣстные дѣйствія. Если, напр., лошадь трогается съ мѣста и останавливается

¹⁾ Humb. ib. 30.

по слову человѣка, то не обнаруживает ли она этимъ пониманія? Въ ней возстаютъ образы, согласные съ природою ея души, но со-
отвѣтствующіе душевнымъ движеніямъ человѣка, однако она не
 знаетъ результатовъ того, что въ ней происходитъ. При такихъ усло-
 віяхъ и между людьми не будетъ пониманія. Представимъ себѣ, что
 страхъ, поразившій человѣка, производитъ на его лицѣ столь силь-
 ную и выразительную игру мускуловъ, что невольно овладѣваетъ
 всѣми присутствующими. Очевидно, что здѣсь такъ же мало пони-
 манія, свободной дѣятельности мысли, какъ и въ панической зѣвотѣ,
возбужденной однимъ изъ собесѣдниковъ. Между тѣмъ, такая зѣвота
 тоже посредствуется чувственными воспріятіями, извѣстнымъ состоя-
 ніемъ души, а потому имѣетъ и психическое значеніе. Но стоитъ
 кому-нибудь сказать „страшно!“ или „скучно!“ и явится пониманіе,
 т. е. говорящій замѣтитъ свое состояніе, измѣнитъ его извѣстнымъ
образомъ, подчинивши дѣятельности своей мысли. Пониманіе дру-
 гаго произойдетъ отъ пониманія самого себя. Это послѣднее сравни-
 тельно съ непосредственнымъ чувствомъ или воспріятіемъ есть уже
 сложное явленіе, которое дѣлается возможнымъ только при помощи
 внѣшнихъ средствъ. Мысль и сопровождающее ее чувство обнару-
 живается частью въ звукахъ, частью въ другихъ движеніяхъ, напр.
 въ измѣненіяхъ фізіономіи и т. п. Языкъ движеній, какъ средство
 самонаблюденія, не имѣетъ большаго значенія. Во первыхъ, спо-
 собность наблюдать за собственными движеніями добывается чело-
 вѣкомъ поздно и есть уже слѣдствіе значительнаго развитія посред-
 ствомъ языка: въ большей части случаевъ движенія, произведенныя
 чувствомъ, исчезаютъ безъ видимаго слѣда, потому что нельзя же
 находиться подъ вліяніемъ сильнаго чувства, и наблюдать въ зер-
 калѣ игру своей фізіономіи. Звукъ гораздо болѣе способенъ удо-
 влетворить потребности человѣка имѣть внѣ себя и предъ собою
 указаніе на душевныя событія. Безъ всякаго намѣренія съ своей
 стороны человѣкъ замѣчаетъ звуки своего голоса; его внутренняя
 дѣятельность, прокладывая себѣ путь черезъ уста и возвращаясь въ
 душу посредствомъ слуха, получаетъ дѣйствительную объективность,
 не лишаясь въ то же время своей субъективности ¹⁾. Чтобы полу-
 чить уже теперь нѣкоторое понятіе, что слѣдуетъ за такимъ объек-
 тированьемъ мысли, довольно вспомнить, что даже на недоступныхъ
 для многихъ высотахъ отвлеченнаго мышленія, а тѣмъ болѣе въ
 началѣ развитія наша собственная темная мысль мгновенно освѣ-

¹⁾ Humb. Ueb. die Versch. 54.

щается, когда мы сообщимъ ее другому, или, что все равно, напишемъ. Въ этомъ одномъ смыслѣ, независимо отъ предварительнаго приготовления, *docendo discimus*. *Во вторыхъ*, если бы даже каждый разъ волею или неволею мы видѣли себя, то и тогда такихъ указаній было бы мало для пониманія, потому что по самой своей природѣ они очень неопредѣленны. Быть можетъ, чувство, сопровождающее каждое отдѣльное сочетаніе мыслей, иначе выражается на лицѣ, но намъ кажется, что человѣкъ точно такъ смѣется отъ одного смѣшнаго, какъ и смѣялся бы отъ многаго другого, различнаго по содержанію.

Отсюда видно, что преимущества звука предъ всевозможными средствами самонаблюденія заключаются какъ въ томъ, что онъ, исходя изъ устъ говорящаго, воспринимается имъ посредствомъ слуха, такъ и въ томъ, что, становясь членораздѣльнымъ, онъ достигаетъ легко уловимаго разнообразія и опредѣленности. Можно сказать, что разница между животнымъ и человѣкомъ лишь въ томъ, что только послѣдній можетъ создать себѣ такое средство пониманія; но это созданіе, кромѣ физиологическихъ условій, предполагаетъ въ человѣческой душѣ ей исключительно свойственное совершенство всѣхъ ея движеній, особую силу, опредѣлимую только по результатамъ ея дѣятельности.

Итакъ слово есть на столько средство понимать другого, на сколько оно средство понимать самого себя. Оно потому служитъ посредникомъ между людьми и устанавливаетъ между ними разумную связь, что въ отдѣльномъ лицѣ назначено посредствовать между новымъ воспріятіемъ (и вообще тѣмъ, что въ данное мгновеніе есть въ сознаніи) и находящимся внѣ сознанія прежнимъ запасомъ мысли. Сила человѣческой мысли не въ томъ, что слово вызываетъ въ сознаніе прежнія воспріятія (это возможно и безъ словъ), а въ томъ, какъ именно оно заставляетъ человѣка пользоваться сокровищами своего прошедшаго.

Замѣчанія объ особенностяхъ вліянія апперцепціи въ словѣ на мысль отдѣльнаго человѣка, или короче — о значеніи представленія (потому что внутренняя форма, по отношенію къ тому, что посредствомъ нея мыслится, къ тому содержанію слова, которое мы выше называли субъективнымъ, есть *представленіе* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) откладываемъ до слѣдующей главы.

очень
важно

X